

18+

МИХАИЛ ДМИТРОВИЧ ПАПСУЕВ

Там, где вызывали огонь на себя

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Михаил Папсуев

**Там, где вызывали огонь
на себя. Повести и рассказы**

«Издательские решения»

Папсуев М. Д.

Там, где вызывали огонь на себя. Повести и рассказы /
М. Д. Папсуев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745605-4

В своих автобиографических повестях и рассказах автор сборника «Там, где вызывали огонь на себя» Михаил Дмитриевич Папсуев вспоминает о детстве в фашистской оккупации, тяжёлых послевоенных годах, учёбе в военном училище, многолетней службе в Вооружённых Силах. Произведения Михаила Дмитриевича отличает любовь к Родине, глубокое знание жизни, армейской действительности и тонкий, доброжелательный юмор.

ISBN 978-5-44-745605-4

© Папсуев М. Д.
© Издательские решения

Содержание

Папсуев Михаил Дмитриевич	7
Деревня – это вам не город...	13
Часть 1	14
Часть 2	18
Часть 3	21
Часть 4	25
Заключение	30
Отзывы читателей	30
Об авторе стихотворения А. С. Лобанове (1937- 2016)	32
Колхоз	36
Часть 1	36
Часть 2	38
Часть 3	42
Часть 4	44
Часть 5	46
Там, где вызывали огонь на себя	50
Глава 1	51
Глава 2	61
Глава 3	65
Глава 4	68
Глава 5	70
Глава 6	72
Глава 7	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Там, где вызывали огонь на себя

Повести и рассказы

Михаил Дмитриевич Папсуев

© Михаил Дмитриевич Папсуев, 2020

ISBN 978-5-4474-5605-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Михаил Дмитриевич Папсуев

Папсуев Михаил Дмитриевич

Папсуев Михаил Дмитриевич, Почётный гражданин городского поселения Некрасовский Дмитровского муниципального района Московской области, подполковник в отставке родился 29 октября 1933 года в Смоленской деревне, в семье колхозника. Более двух лет находился на оккупированной немцами территории. Отец погиб на фронте во время Великой Отечественной войны.

После освобождения от фашистов Смоленщины в 1943 году, пошёл в 1 класс, и в 1953 году окончил 10 классов.

Работал заворотделом РК ВЛКСМ. В 1953 году вступил в КПСС. В 1954 году поступил, и в 1957 году окончил Ярославское ракетное училище.

После окончания училища проходил службу в войсках:

- командир взвода
- старший техник
- помощник начальника политотдела по комсомольской работе
- зам. по политической части начальника школы сержантов
- зам. по политической части командира ракетного дивизиона
- секретарь парткома ракетного полка
- зам. по политической части командира ракетного полка
- зам. командира базы ремонта зенитно – ракетного вооружения в/ч 11291 (Трудовая)

В 1966 году окончил пединститут.

После увольнения в запас в 1983 году работал:

- военруком школы,
- зав. кабинетом политпросвещения завода,
- начальником Штаба Гражданской обороны завода
- секретарём парткома завода

Избирался депутатом Нарофоминского и Одинцовского городских Советов депутатов трудящихся. Награждён орденом «За службу Родине в Вооружённых Силах III ст.», орденом «Знак Почёта», четырнадцатью медалями, четырьмя Грамотами ЦК ВЛКСМ, многими Грамотами и Ценными подарками вышестоящего командования. Живёт в микрорайоне Трудовая городского поселения Некрасовский Дмитровского муниципального района Московской области.

Произведения М. Д. Папсуева в Интернете:

Деревня – это вам не город... – повесть, 12.10.2015

<http://www.proza.ru/2015/10/12/981>

Целина – повесть, 18.01.2016

<http://www.proza.ru/2016/01/18/1513>

Кадеты – повесть, 06.02.2016

<http://www.proza.ru/2016/02/06/1129>

Там, где вызывали огонь на себя – повесть, 26.04.2015

<http://www.proza.ru/2015/04/26/1673>

Карвалан – рассказ, 20.06.2015

<http://www.proza.ru/2015/06/20/820>

Армейские будни – рассказ, 19.06.2015

<http://www.proza.ru/2015/06/19/1218>

Предатель- староста? – рассказ, 27.04.2015

<http://www.proza.ru/2015/04/27/1488>

Фирма – рассказ, 25.04.2015

<http://www.proza.ru/2015/04/25/1654>

Убийца – рассказ, 25.04.2015

<http://www.proza.ru/2015/04/25/1651>

Диверсантка – рассказ, 25.04.2015

<http://www.proza.ru/2015/04/25/1648>

Семья и родительский дом – рассказ, 20.05.2016

<http://www.proza.ru/2016/05/20/1323>

Военрук и НВП – рассказ, 06.08.2016

<http://www.proza.ru/2016/08/06/1815>

Три богатыря – рассказ, 27.11.2016

<http://www.proza.ru/2016/11/27/1307>

Денщик– рассказ, 11.12.2016

<https://www.proza.ru/2016/12/11/2133>

Сослуживцы. Служебная мозаика – рассказ, 08.01.2017

<http://www.proza.ru/2017/01/08/873> 8.01.2017 г.

Несовершеннолетняя узница фашистов Папсуева М. В.

О супруге Михаила Дмитриевича Марии Васильевне Лукашовой (Папсуевой). <http://www.proza.ru/2015/03/17/1829>

Михаил Дмитриевич – автор множества рассказов и нескольких повестей, посвящённых армии и родной земле, где интересным и доступным языком описывается жизнь от оккупации фашистами Смоленщины, когда автор был ещё ребёнком, до службы на высоких должностях в Армии.

Решением совета депутатов Городского поселения Некрасовский Дмитровского муниципального района Московской области от 03.06.2015г. №70/22 «Об утверждении положения о звании «Почетный гражданин городского поселения Некрасовский Дмитровского муниципального района Московской области» звание «Почетный гражданин городского поселения Некрасовский Дмитровского муниципального района Московской области» присвоено Папсуеву Михаилу Дмитриевичу и Рыкову Анатолию Гавриловичу. Глава гп Некрасовский С. И. Колков вручил каждому награждаемому Почетные Знаки, ценные подарки и денежные вознаграждения в сумме 30 тысяч рублей. Затем на сцену поднялась супруга Михаила Дмитриевича Папсуева Мария Васильевна. У них в этом году Бриллиантовая свадьба, они вместе 60 лет! Зал продолжительными аплодисментами поздравил юбиляров!

3 сентября 2016 года. По дорожке славы дорогой жизни.

Презентация книги «Там где вызывали огонь на себя» на Премию Губернатора Московской области прошла очень успешно. Члены экспертной комиссии высоко оценили произведение. 21.08.2017, г. Дмитров, Общественная палата Дмитровского р-на

Произведения Михаила Дмитриевича отличает любовь к Родине, глубокое знание жизни и истории нашей страны, армейской действительности и тонкий, доброжелательный юмор. Впрочем, лучше о Михаиле Дмитриевиче и его эпохе рассказывают его неординарные повести и рассказы.

Броудо Владимир Борисович, руководитель литературно-поэтического клуба «Лит-клуб Трудовая», Лауреат премии Губернатора Московской области «Наше Подмосковье» 2015 и 2016 г., член редколлегии газеты «Наши Некрасовский»

Деревня – это вам не город...

**Сам теперь считаю городским теперь я,
Здесь моя работа, здесь мои друзья.
Но ночами часто снится мне деревня,
Отпускать меня не хочет Родина моя...**
(Из песни Леонида Дербенёва «Снится мне деревня»)

Часть 1

Моя Родина – село Сукромля, Ершичского района, Смоленской области¹. Не деревня, а село, потому, что в нём когда – то был церковный храм. Раньше селро было большое, домов около трёхсот.

Ершичский район расположен на самом юге Смоленской области, а село Сукромля расположено на юго – западе района, на самой границе с Брянской областью.

Речку Вороницу мы считали своей, Смоленской. А сразу за ней – уже Брянская область. Это недалеко от авиабазы Сеща², где во время Великой Отечественной войны «вызывали огонь на себя».

¹ Сукромля – деревня в Смоленской области России, в Ершичском районе. Расположена в южной части области в 14 км к юго-востоку от Ершичей, и в 2 км от границы с Брянской областью. Население – 232 жителя (2007 год). Административный центр Сукромлянского сельского поселения. В центре деревни находится кладбище. Изначально на нём находились старые могилы, могилы ветеранов. Сейчас там так же хоронят местных жителей. Помимо этого кладбища есть другое, находящееся относительно рядом от деревни. В Сукромле существует школа и несколько дет. площадок, проложен асфальт. Деревянная церковь святителя Спиридона Тримифунтского в селе Сукромля построена в 1863 году. В 1941 году в лесу в 3 км к юго-западу от Сукромли был организован районный партизанский отряд. В честь погибших в 1943 году во время освобождения района воинов создана братская могила со скульптурой-памятником, похоронен 61 воин. В Сукромле родился Герой Советского Союза полковник Григорий Иванович Бояринов, входивший в спецгруппу КГБ «Гром» и погибший в 1979 году при штурме дворца Амина в Кабуле. На левом берегу Вороницы находится большая курганная группа из 97 насыпей, южнее – ещё одна группа из 100 курганов. На правом берегу реки сохранилось 9 курганов.

² Военный аэродром СЕЩА – строительство аэродрома для тяжёлой авиации было начало в 1931 году (начальник строительства был Аугуст Дусье, латыш, большевик с дореволюционным стажем). С 1932 года здесь базировалась 9-я тяжёлобомбардировочная бригада (командир Циэмгал (Цемгал) Альберт Янович, комиссар Лосев Мендель Абрамович (с 1935 года), начальник штаба Шкурин Яков Степанович), к 1936 году укомплектованная крупнейшими довоенными бомбардировщиками ТБ-3Р. Полностью бригада называлась «9-я бригада имени 10-го Всесоюзного съезда Ленинского комсомола», пять входивших в неё эскадрилий носили имена Ворошилова, Кагановича, Кирова, Постышева и Косарева. Аэродром имеет своеобразную форму: рулёжные дорожки построены по окружности диаметром около 2000 м. По состоянию на лето 1943 года аэродром имел две бетонные взлётно-посадочные полосы длиной 1670 и 820 м. В годы фашистской оккупации во время Великой Отечественной войны на Сещинском аэродроме действовало интернациональное подполье, о героях которого в 1964 году был снят четырёхсерийный художественный фильм «Вызываем огонь на себя». Благодаря деятельности подпольщиков аэродром был разрушен бомбовым ударом советской авиации осенью 1943 года. На аэродроме базируется 566-й Солнечногорский Краснознамённый ордена Кутузова III степени военно-транспортный авиаполк. На вооружении полка состоят самолёты Ил-76 и Ан-124. Также на аэродроме базируется принадлежащая Министерству Обороны ОАО «Государственная авиакомпания «224 лётный отряд». В воздушной части Парада на Красной площади 9 мая каждого года принимают участие самолёты Ан-124—100 с аэродрома Сеща.

Село состояло, как сейчас говорят, из микрорайонов. Это Шнуровка, Кулига, Потаповка, Старостёвка, Прасоловка, Хомчёвка (по фамилиям основного населения Потаповы, Старостины, Прасоловы, Фомченковы) и, наконец, Попковка. Но чтобы правильно назвать этот микрорайон, нужно начальную букву «п» заменить на букву «ж». Не знаю, откуда взялось это название, хотя основное население там было Поляковы, Писаревы, Чуенковы...

С начальной буквы «ж» этот микрорайон назывался всеми жителями села без всякого стеснения. И если иные жители села были Потаповцы, Прасолота, Хомчата, то жителей, о которых идёт речь, называли тоже без стеснения (Ж) (П) опкинцы.

Наше село считалось наиболее культурным – мужское население никогда не материлось (при женщинах и детях). Женщины вообще слов, близких к матерным, не произносили. Лексикон жителей стал меняться, когда укрупнили колхозы и в село стали прибывать иногородние молодые специалисты – агрономы, зоотехники, экономисты. А так же наша, «собственная» молодёжь стала приносить «культуру» из ПТУ.

Пришлого человека сукромляне накормят, напоят и спать уложат. Позже, когда я уже работал в Райкоме ВЛКСМ, мне было понятно, почему районные уполномоченные, которые были «в моде» после войны, старались попасть в командировку именно в Сукромлю. Это было очень важно. Тогда в деревнях не было ни столовых, никаких гостиных дворов («гостных» или «заезжих» квартир, как их тогда называли). И если уполномоченного невзлюбили в колхозе, ещё неизвестно, к какой тётке – неряхе председатель колхоза определит его на ночлег.

Ключей к замкам на дверях домов в селе не было. Замок висел на дверях незапертым, чтобы было видно, что дома никого нет. И если у Лукерьи не оказалось хлеба к обеду, она шла в дом к Ольге. Снимала замок, брала что ей нужно, а потом говорила хозяйке:

– Я взяла у тебя хлеб, испеку, отдам.

Драк в селе практически не было. И если случались потасовки, то без применения подручных средств. Дело кончалось максимум разбитым носом или порванной губой. И если дело происходило в праздник, и рядом были жёны «дебоширов», то жёны даже не торопились к месту потасовки, так как большого урону не предвиделось...

С дракой был курьёзный случай. С войны в село без кисти правой руки вернулся неженатый парень Поляринов Сергей Дмитриевич. Был Сергей из весьма культурной семьи – сын дьячка. В доме у них была даже своя библиотека. Его мать Ефросинья Ульяновна с удовольствием давала нам, пацанам, читать книги. Но собственный сын Сергей их не читал. Страстью Сергея были колхозные лошади. До войны, будучи пацаном, после ужина он убегал к конюхам на луга в ночное – пасти лошадей, предварительно спрятав от матери за сараем в крапиве ватник.

К юности Сергей превратился в могучего красивого парня. Став инвалидом на войне, без руки, во время оккупации немцами Смоленщины, он был отправлен из госпиталя в Киргизию, где «немного подженился». Во всяком случае, там у него появился сын.

После войны Сергей вернулся на Родину. А когда в Киргизии сын подрос, он приехал к отцу и жил у отца, несмотря на то, что у отца уже была другая семья и были другие дети.

Сергей Дмитриевич долгое время был бригадиром в колхозе. Но с ведением документации без правой руки, у него были проблемы, для решения которых он почему – то выбрал меня из всех моих сверстников. Когда я учился в 7 – 8 – 9 классах, а я был переростком из-за оккупации, он терпеливо ожидал моих каникул и копил документацию.

Когда занятия в школе заканчивались, Сергей Дмитриевич привозил ко мне свой дамский велосипед, а вдобавок сумку бригадных документов, которые я приводил в порядок и ездил по полям и лугам на дамском велосипеде, замерял объёмы выполненных колхозниками работ, начислял трудодни. Я хорошо разбирался в нормах выработки, которые были в колхозе, и Сергей Дмитриевич мною был очень доволен.

Но это было потом. А тогда, сразу после войны...

...

В 1947 году были первые после войны выборы в Верховный Совет СССР. В те времена день выборов был истинный Всенародный праздник. На избирательном участке обязательно был буфет с яствами, которых многие дети тогда в жизни не видели.

Но мужиков интересовало другое. Они говорили: «Год не пей, два не пей, а на выборы и после бани – пей!». И выпивали. В результате встречались среди мужиков потасовки. Причина – пьяный спор, кто лучше воевал, чей маршал был лучше.

...Богатырь Сергей Пояринов устремился устранить потасовку. Ведь выборы! А по случаю праздника Сергей был при протезе на руке. При умирении дебоширов кисть протеза у Сергея оторвалась. Вилка, на которой крепилась кисть, оголилась, и на неё напоролся один из дебоширов. Раздался крик «Зарезали!», ведь на рубашке «пострадавшего» появилась кровь. Оказалось, ничего страшного. Всё было «в пределах допуска».

Позднее Сергей Дмитриевич с одной левой рукой стал трактористом, а потом работал на мельнице механиком. Там в качестве силового агрегата стоял мотор от трактора ДТ – 54.

Или взять Горбунова Семёна Николаевича. С войны он прибыл домой с негнущейся левой ногой. А работал так, что не каждый здоровый сдюжит. Он был постоянным сторожем сельского магазина ночью. Днём летом косил литовкой луга на сено, а в перерывах косьбы болтался с молодёжью в речке с бреднем. Зимой с женщинами возил сено из стогов, распахи-вая негнущейся ногой глубокие сугробы снега. Но особенно он любил пасти скот. Он не бегал за ним по полям, да и не мог бегать. Часто пас скот по лесу. Сам ходил по дорогам, шумел призывным криком. И что удивительно, коровы (а за ними и прочая мелкая живность) в стаде не разбредались, а следовали в лесу параллельно дороге и ориентировались на голос Семёна Николаевича.

Сергея Дмитриевича в селе называли Сергей – Рука. Был ещё в селе Иван – Рука. Такую кликуху им присвоил Пётр Фролов. Пётр Фролов был глухонемой. Правда немой не совсем. В четырехлетнее возрасте он заболел корью и оглох. До конца жизни Петя пользовался тем словарным запасом, который был у него в четыре года. Но с тех пор появились новые понятия, новые предметы быта и техника. Всему новому Петя давал свои названия. Смоленск он называл смола, Рославль – горка (от слова город), а наше село – кобедня.

Петя был родом из соседнего села. В нашем селе была церковь, куда прихожане из села ходили к обедне. Потому и село Петя называл Кобедня. Ленина Петя называл Ленин, Сталина – Ляксей. Любой начальник для него был комиссар. Участкового милиционера он называл комиссар с маленьким ружьём (с пистолетом), а одноглазого налогоаого агента он называл комиссар – копейка – глаз. Хромого инвалида войны, мужа заведующей молокозавода он звал хромое молоко. Пацан или молодой паренёк для пети – детёнок, взрослый мужик – батька, женщина – matka, девушка – демка, хорошая девушка – беленичкая, плохая – покомкатая (!).

Вот Петя и назвал Сергея Детёнок – Рука, а Ивана, чтоб не путались – Батька – Рука.

В нашем селе Петя был в примаках. Его жена портниха Феня была чисто глухонемая. Они родили хорошего здорового сына Васю, у которого я был названным крёстным. Феня умерла раньше Пети. А при последней встрече с ним он сказал мне, что ночует (т.е. живёт – прим. Ред.) у Васи.

Часть 2

Ребятчи когорты в селе формировались по микрорайонам и имели свои особенности.

Потаповцы были задиры, могли порушить запруду на речке – глазомойке, протекавшей по селу, которую соорудили кулижане. Старостята стали заядлыми поголовными курильщиками, а Жопкинцы были «специалисты» по садам и огородам. Правда, садов у нас в деревне были единицы. САД был НЕПОЗВОЛИТЕЛЬНОЙ РОСКОШЬЮ. У сельского двора было мало земли. А для семьи нужны были не яблоки, а картошка и овощи.

Особенно картошка – еда для детей и корм для скота. А скот – это крохи мяса для семьи и навоз для огорода, ведь без навоза нет урожая. Яблоки – то и деть было некуда. О продаже не могло быть и речи. Ближайший настоящий рынок в Рославле в 40 км, а дороги туда никакой. На колхозном волу туда и обратно ехать неделю. А вола где – то надо ещё и кормить...

У шнуровцов и кулижан ребячья компания была одна. Никто из нашей компании не курил. Мы никогда между собой не дрались. Лидером нашей когорты был Николай Лобанов.

Коля с детства был выше своих сверстников ростом и огромной физической силы. Николай был 1931 года рождения. А в нашей компании были ребята старше его. Например, Володя Писарев (Кузьмич), который стал кандидатом (или доктором) исторических наук и преподавал в пединституте города Гродно (Белоруссия).

Но лидером был Коля. Идей на мальчишечьи проказы у него было, как у Барбоса блох. Очевидно поэтому летом 1942 года мы и выбили ему правый глаз капсулом из гранаты РГФ. Капсуль взорвался нечаянно, по неосторожности. Глаз остался целым. Повреждены были детали глаза. Глаз не видел. И лосей он потом стрелял, целясь левым глазом. Когда Николаю стало за 70, у него стали отказывать ноги. Ходил с костылями. Толкование медиков было таким, что повреждённым тем капсулом оказался не только глазной нерв, но и центр в мозгу, контролирующий работу ног.

Кстати о лосе...

Николай был моим двоюродным братом. Однажды, уже будучи капитаном, я приехал в село в отпуск. Базировался у тестя. При встрече Николай мне говорит: « Подходи к вечеру. Побросаем сеть в Волоницу, поймаем рыбы, сварим уху».

Придя к Лобановым, Николая я не застал. Жена сказала, что он взял сеть, и пошёл к лодке на речку. Я одел резиновые сапоги, так как вечером на лугу – обильная роса. Остановившись на берегу, я увидел, что на лодке подплывает Николай. Спрашиваю: « Поймал?» Отвечает: « Поймал». Смотрю – в лодке всего несколько рыбёшек. Спрашиваю: «Стоило из-за этого мочить сеть?» Отвечает: « А ты глянь за корму!» Смотрю – в воде болтаются рога лося, привязанные к лодке концом сети. Лось!

Вытаскивая сеть из воды, Николай увидел только что убитого огромного лося. Очевидно, будучи кем – то подбитым, у лося не хватило сил переплыть реку и скрыться от охотников в Брянском лесу. Николай говорит: « Стой тут, сторожи, а я побегу домой (расстояние метров 500), возьму тележку, и приду сюда с Пашей (с женой). Я ответил, что за тележкой и Пашей пойду я. Ведь если кто посторонний увидит сторожа – капитана около убитого лося, докажи, что стрелок не ты... Короче, на целый отпуск котлет хватило на всю родню!

А Паша женой Николая стала нештатным порядком. Его женила родная мать Татьяна Захаровна УХВАТОМ! К заведующей медпунктом Костиной Марии Лукьяновне приехала сестра Паша, которая стала работать санитаркой. Сёстры были сиротами. И вдруг Паша ПОЧЕМУ – ТО забеременела! «Виновником» оказался Николай... Об этом узнала мать Николая, и с помощью ухвата приказала Николаю жениться.

Не захотел бы Николай жениться, никто бы его не заставил. Но факт говорит о том, то малонравственный поступок сына был жёстко компенсирован высокой нравственностью матери.

Сёстры Маруся и Паша работали и жили в медпункте. Однажды Маруся пришла к Лобановым за пилой, и попросила нас с Николаем напилить дров. Я был на каникулах после 9 класса. Мне было 18 лет – переросток из-за оккупации. Николай Марусе говорит: « Дашь спирту – напьемся» Маруся: « Да откуда спирт! – В районной аптеке дают каплю на процедуры!» Николай: « Маруся, не ври. Вчера была в аптеке, спирт принесла. А нам много не надо. Дашь по одному глотку»

В один глоток можно засосать 50 грамм.

Маруся: « По одному глотку дам»

Маруся на двоих налила спирт в мензурку. Николай «засосал» всё содержимое мензурки. Бросился в прихожую, где стоял бачок с водой и кружка для посетителей. Но на сей раз в бачке не оказалось ни капли воды! Я не сразу понял, почему Николай как с цепи сорвался, и побежал ЧЕРЕЗ ДОРОГУ домой, чтобы запить спирт, который держал во рту! До дому не добежал, споткнулся о корень дерева, упал. Но спирт не выплюнул, ПРОГЛОТИЛ! А выплюнул обгоревшую кожу рта. Надо было слышать, как он ругал сестёр, у которых не оказалось воды. Да вы и лодыри, и неряхи, да какими вы будете матерями семейств. Одним словом – ЗАТЁПЫ вы!

Николай был истинный селянин. Хорошо учился в школе. Окончив 7 классов (тогда была не восьмилетка, а семилетка), поехал в г. Городок поступать в техникум, но поступать не стал. Любой город для него был постыл. Вернулся домой. Стал классным механизатором. И когда вышел на пенсию, совхоз за бесценок продал ему трактор «Беларусь» первого выпуска, ещё без кабины, на котором он работал.

С этим трактором у него была связана семейная драма. Опрокинувшимся трактором, попавшим в засыпанную строительным мусором яму, он задавил своего сына Витьку, сидевшего в кабине трактора. В момент опрокидывания Николай пытался выхватить сына из кабины, схватив его за рубашку. Но Витька зацепился в рычагах трактора, и в руке Николая остался только клоч рубашки сына...

А две дочери Николая превратились в солидных женщин. Младшая Елена, окончив физико – математический факультет Смоленского пединститута, долго работала в школе. Сейчас – директор районного Дома культуры, на работу из деревни ездит на автомобиле «Калина».

Последний длительный трезвый разговор двух двоюродных братьев (родных у меня не было), двух друзей детства и юности у меня с Николаем состоялся в 90-х годах, когда я уже был пенсионером.

Жена у Николая умерла. Дети разъехались. Он жил один. Приехав на малую Родину я ночевал у Николая. Ночь после умеренной выпивки мы не спали. Вспоминали детство и юность. Обсудили, конечно, и «социально – политические проблемы».

Суждения у Николая были весьма оригинальны. «Вот смотрю, – говорил он, – некоторые умники поносят Хрущёва. А ведь при нём крестьянин вздохнул. ОН ВЫТАЩИЛ ГОРОЖАН из подвалов. Те люди были на десятом небе от счастья. А теперь – то жильё презрительно называют „хрущёбы“. Мы смеёмся над утверждением Хрущёва, что нынешнее поколение советских людей к 1980 году будет жить при коммунизме. А я вот я часто лежу один ночью и думаю, что мы уже и жили близко к коммунизму. На работу, как раньше, силой меня никто не гнал. Хочу больше получить – больше работаю. А в одежде, которую мне выдавали как механизатору бесплатно, я хожу до сих пор».

Рассуждения для простого человека, конечно, примитивны. Но в этом что – то есть. А работал Николай сам как трактор. Вставал очень рано, спешил наносить воды и истопить печь в медпункте, где санитаркой работала его жена. А там должно быть тепло. Люди раздеваются. Затем родной тётке Арине Емельяновне принести в дом дрова для печи. И прине-

сти воды. Она была уже немощной. И только после этого приходил домой, завтракал, и шёл на работу к трактору. И так ежедневно. И его работу мог сделать только он, как бы накануне он не подпил. Уму непостижимо, как человек мог выносить такую физическую нагрузку.

Подпить же Николай мог хорошо. Мог выпить много. Но никогда, выпив, не скандалил. Чем больше выпьет – тем добрее становится. Один Николай никогда не пил. Когда, будучи в отпуске, я приходил к нему с бутылкой, он говорил: «Погоди, надо позвонить Мише» (В деревне уже имелся телефон).

А Миша – его родной младший брат – жил через огород. Звонит, а там трубку снимает Мишина жена. Он говорит: «Лида, пусть Миша придёт за помоями свиньям, а то много накопилось». А мне говорит: «Если Лида узнает, что мы собрались выпить, может Мишу не пустить».

И Миша приходит «за помоями». А если предполагалась выпивка более солидная, говорил: «Надо позвать Гашкиного», то есть сына Агафьи, нашего двоюродного брата Никонова Михаила Фёдоровича.

Часть 3

Михаил Никонов стал свидетелем уникального случая. Срочную службу он проходил в ГСВГ (Группе советских войск в Германии). Там рядовому платили 15 марок ГДР. Учитывая, что солдат из военного городка не выпускали, и тратить марки ему было негде, для солдата это были немалые деньги.

Перед увольнением в запас Михаил с приятелем на сэкономленные деньги решили купить гражданские костюмы. Пошли в немецкий магазин. Продавцом в магазине оказалась пожилая женщина, говорившая по русски очень «чисто». Солдатам она сказала, что костюмов их размера нет. Приходите через день. Пришли через день, и поняли, что КОСТЮМЫ БЫЛИ И В ПРОШЛЫЙ РАЗ! Просто продавщица хотела, чтобы солдаты пришли ещё раз. Она сказала, что она русская, и спросила, откуда ребята родом. Михаил сказал, что он со Смоленщины. Она спросила, с какого района. Ответ: «Ершичского». А село? «Сукромля».

Женщина ЗАВЫЛА БЕЛУГОЙ. Она оказалась его соседкой и до войны жила в селе через дом от семьи Михаила! Это была Полякова Мария Семёновна. Довоенная учительница нашей сельской школы. Имела двоих детей – мальчиков. Муж её, Поляков Иван Тимофеевич, был партийный активист. В начале войны на фронте попал в плен, бежал из плена и прибыл домой. Моей матери он рассказал, что воевал вместе с моим отцом, Папсуевым Дмитрием Егоровичем под Ельней, где мой отец был командиром роты, а Иван Тимофеевич был в роте политруком.

В той боевой обстановке мой отец где —то пропал, а Иван оказался дома, на оккупированной немцами территории. В очередную облаву он попался немцам. Его жена Мария Семёновна понесла ему еду к месту, где держали пойманных мужчин. Немцы прихватили и её, и куда — то угнали вместе с мужем в ГЕРМАНИЮ.

После разгрома Германии они оказались в американской зоне оккупации. Муж с другими земляками решили получить «постоянную выпивку». Изготовили самогонный аппарат, и перегоняли технический спирт в «питьевой». Изготовив первую партию питья, изрядно выпили, а земляка купреева Романа не подождали. Он где — то был, и к столу опоздал. И ему достались малые остатки «огненной воды». Роман страшно обиделся. В результате все, вовремя севшие за стол, УМЕРЛИ. А Куреева Романа, слепого, домой привезла медицинская сестра.

Марии Семёновне в лагере для перемещённых лиц «объяснили», что по возвращении на Родину её ждёт Сибирь и лагерь. Она осталась в Германии, вышла замуж, родила дочь. Её русских сыновей определили в детский дом. Их судьбу я не знаю. Но Мария Семёновна впервые от Михаила узнала участь своих сыновей.

Когда Михаил вернулся домой, он рассказал о встрече в Германии жене младшего брата Ивана Тимофеевича – Сергея Тимофеевича, Анне Кузьминичне. Тоже учительнице. Анна сразу спросила: «А эта женщина была конопатая?» Да, Михаил при встрече с продавщицей обратил внимание на конопатинки по лицу – следы оспы в детском возрасте.

ДА. Пути Господни неисповедимы!

Михаил был лучшим механизатором совхоза. Уйдя на пенсию, приобрёл трактор «Беларусь». Его услугами пользуется пол – села. Нужно только купить канистру солярки, и езжай куда приспичило.

Вот на таких мужиках, как Николай, Михаил, Сергей – Рука и Семён Николаевич Горбунов держалось советское – российское село.

А сегодня НИ НА КОМ не держится. Никого не судят за воровство в колхозе, а потом в совхозе. Потому что их нет – ни колхоза, ни совхоза. Никого не судят «за колоски», потому что ныне на полях шумит лес. Да за колоски никогда и не судили. Колоски просто нельзя было приобрести. Мы, школьники, собирали колоски в школьные холщевые сумки под руко-

водством учителей, и относили их на колхозное гумно. А взрослый человек маячить на сжатом поле днём. Он должен был работать по наряду бригадира. А ночью колоски на поле не видны.

Ерунду о судах за колоски придумали наши же «доброжелатели» СССР, типа Сванидзе, получившие учёные степени на марксизме – ленинизме при Советской власти, который «жареный петух» не клевал, а сельскую жизнь они знают по кинофильму «Дело было в Пенькове».

Людей судили. Судили за дело. Например, колхозные парни Горбунов Владимир, Седов Григорий повезли на пункт приёма зерна на станцию Пригорье хлебозаготовку от колхоза. До пункта назначения нужно было проехать три деревни. Ребята решили выпить. А за что? Они продали один мешок с зерном в селе Епишево, а в другие мешки положили для веса камни, собранные на поле.

Приёмщик зерна обнаружил камни в мешках. В результате Владимир и Григорий получили по одному году тюрьмы, а Фёдор полтора года, как колхозный бригадир.

Так судили за дело, или за что?

Было, конечно, всякое но не колоски.

...

А вот за воровство льна под суд можно было угодить запросто. При Советской власти лён на Смоленщине культивировался всегда. Смоляне очень ценили эту культуру. Лён очень ВЫРУЧАЛ ЛЮДЕЙ, особенно во время войны. Лён давал волокно, которое женщины пряли и и затем ткали холсты. Из холстов шили детям и себе рубашки, брюки, онучи в лапти.

Семена льна включали в себя большое количество жира. Семена льна толкли в ступе до порошка. Им заправляли суп и посыпали картофельное пюре.

Стране же лён был нужен, как техническая культура. Тресту льна по лугам стелили школьники, а после лёжки собирали в снопы, и получали за это деньги. Хоть копейки, но детям нравилось – у них были свои деньги. В конторе нашего колхоза висел плакат с текстом: «ЛЁН – БОГАТСТВО КОЛХОЗОВ!». Какой – то остряк папиросной бумагой заклеил точки над буквой «Ё», а в конце слова подрисовал мягкий знак. Получилось «ЛЕНЬ – БОГАТСТВО КОЛХОЗОВ!». Плакат провисел дня три. Все хихикали, потом плакат сняли.

В январе 1954 года я, будучи зав. Орготделом РК ВЛКСМ, был командирован в один из колхозов райкомом партии, как уполномоченный района с конкретной задачей. Тогда это практиковалось – при решении важных задач в тогдашних мелких колхозах туда направлялись представители района.

На сей раз передо мной стояла задача следовать в колхоз с Центральной усадьбой в селе Карповка на западе района, помочь руководству отыскать залежи торфа, и проконтролировать его добычу и вывозку на поля в качестве удобрения.

Химических удобрений в колхозах тогда не было (поэтому и жили до старости – прим. Ред.). При обсуждении вопроса в правлении решили, что торф есть в районе деревеньки Верховая, на самой белорусской границе. На следующий день ранним утром председатель колхоза я и агроном – молодая девица, выехали на санях в Верховую.

Изрядный мороз забирался под одежду, на ресницах и бровях висел иней. Приехали в Верховую, когда в домах топились печи. Дым над трубами стоял вертикальным столбом. В деревне – две маленькие бригады. Бригадир одной – молодой парень, не служивший в Армии. Бригадир другой – Аркадий – бывший матрос Балтфлота, отсидевший в тюрьме 4 года, как часто говорят, ни за что.

Дело в том, что будучи в увольнении, три матроса опаздывали на корабль. Ребята были матросами дисциплинированными, и решили опоздания из увольнения на берег не допустить. Угнали стоявший без шофёра грузовик, и вовремя явились к трапу корабля. Когда стало известно, как они этого достигли, начальник порта посадил их на гауптвахту на 10 суток строгого ареста. Ребятам это не понравилось. Они написали в газету, что начальник порта матро-

сами строит себе дачу. Начальник порта обиделся, и отдал ребят под суд трибунала. Всем троим дали по 4 года. Вот почему Аркадий к 30 годам был холостой. Как и его молодой коллега – другой бригадир.

Эти два парня в Верховой были и суд, и прокуратура, и Советская власть. Благо Аркадий за 4 года в тюрьме получил солидное юридическое образование, и законов они не нарушали.

В доме Аркадия нас встречала его мать, стоя у топившейся печки с ухватом. Я ей сказал, что мы привезли ей сноху, имея в виду агрономку. «Вашими бы устами да мёд пить», – ответила женщина. Аркадия дома не было.

Явились оба бригадира вместе. Узнав, кто приехал, Аркадий дал знак молодому бригадире. Тот метнулся за речку в белорусский магазин за водкой. Сели завтракать. В доме появился горбатый тщедушный мужчина в лаптях и рваном ватнике. Мужчина жил в примаках. Стал жаловаться на то, что жена со своим сыном гонят его из дому. А сама – такая – сякая, ворует колхозный лён. А куда в мороз идти из дому? Распахнул ватник, а он одет на голое тело. Я чуть не упал. Видел нищенку в своём селе. Но такое!...

Позавтракали, пошли мирить семью. Хата расположена на отшибе деревни. Дверь из комнаты – прямо на улицу, как я позже видел на юге, в Сухуми. Коридора никакого.

Зашли в хату. В углу на скамейке ведро с водой, и рядом консервная банка в качестве кружки. На столе – консервная банка с солью и керосиновая лампа без стекла – «коптилка». Вдоль стены – колченогая скамья. Вот и всё. В хате больше ничего нет. У её жителей одежды – что на коже, а харчей – что в животе. Полагаю, что кроме тяжёлых условий они были ещё закоренелые лодыри.

Председатель колхоза даёт команду Аркадию начинать обыск. Аркадий спускается в подпол, зовёт хозяйку и заставляет её тащить всё, что там есть. Та вытаскивает ЛЁН, сама белая как полотно. Тюрьма на носу. Аркадий знает, что обыск незаконен. Ни до чего он в хате не дотронулся даже пальцем.

Хозяйка падает на колени, просит пощады. Председатель за столом пишет Акт обнаружения в хате льна и говорит хозяйке, что Акт будет лежать у него в сейфе и если он услышит, что она будет издеваться над мужем – даст Акту законный ход. Хозяйка клянётся, что обижать мужа больше не будет, а муж доволен, что всё устроилось так просто...

Так ЛЁН поспособствовал благоденствию в семье.

.....

Но это было, когда хлебопоставки возили на волах, а «Льнотресту» трепали вручную. Позднее, когда колхоз «Искра», а потом совхоз «Сукромлянский» объединяли восемь населённых пунктов, вставали другие вопросы. Например, электричество. Оно появилось в моём селе только в 1960 – х годах. В районе появились свободные энергомощности, которых хватило на одну деревню. В райкоме партии и в райисполкоме встал вопрос кому давать электроэнергию – Сукромле, или Скоторжи. Объявили – кто быстрее поставит столбы под электропровода район до домов, тому и электричество.

А в сукромлянском колхозе «Искра» был свой лес. В глухарях стоял сосновый бор с мачтовыми соснами одна к одной. Председатель колхоза Дмитрий Романович Козлов пожертвовал бором, но столбы поставил раньше скоторжан. Так в селе Сукромля появилось электричество, значение которого объяснять нет необходимости.

...Председатель Д. Р. Козлов был «волонтарист». Человеком он был пришлыми смелым. К этому времени ушлые мужики в колхозе жить приладились. Лето (м) они работали в колхозе, а зимой, получив от колхоза справки, удостоверяющие личность (паспортов тогда у крестьян не было), уезжали в Москву. Устраивались истопниками в 2—3 котельные, и работали, как «рабы на галерах». В конце отопительного сезона закупали на семью одежду и долгохраняемые продукты, нанимали вскладчину автомашину и привозили всё закупленное домой (сейчас в москве этим занимаются почему – то граждане других государств- прим. Ред.)

Особенно в этом преуспели глухарцы – мужики из деревни Глухари на отшибе колхоза. Козлов решил подмять под себя глухарцев. Обозвав их лодырями, он не выдал им справки от колхоза для поездки в Москву (рабовладение....– прим. Ред.)

Козлов был не дурак выпить и был большим специалистом по женской части. Глухарцы подкараулили Козлова ночью, устроили ему «тёмную», а мотоцикл «Урал», на котором он был, утопили в озере.

ПОДЕЙСТВОВАЛО НЕ ПОЛНОСТЬЮ. Тогда глухарцы послали гонцов на родину Козлова, и собрали на него досье. Оказалось, что во время оккупации Козлов, будучи по возрасту не призывным в Армию, оказался на оккупированной территории, и даже бороновал на лошадях немцам большак. Немцы практиковали заставлять местных жителей по утрам бороновать большаки, опасаясь партизанских мин.

После освобождения родины Козлова от немцев он был призван в Армию, воевал, и даже получил ордена. Но теперь, когда в очередной раз председатель на собрании глухарцев бездельниками, те ответили, что «они не лодыри, и большаки немцам не бороновали»...

...Председатель притих. И когда колхоз «Искра» превращался в совхоз «Сукромлянский», директором совхоза Козлова уже не назначили. Наоборот, на него возбудили уголовное дело за проделки в колхозе.

Однако, адвокаты нашли статью закона, по которой орденосцы за проступки, которые вменялись в вину Козлову, к ответственности не привлекаются.

А он был орденосцем.

Часть 4

Люди моего поколения были детьми войны. В нашей шнуровско – кулижской когорте были пацаны в основном – безотцовщина. У Григория Трущикина отец погиб, у Алексея Бруева отец погиб, у Василия Казакова Яковлевича (был ещё Казаков Василий Михайлович) погибли отец и два старших брата. У Алексея Василенкова отец погиб, у Григория Переходкина отец погиб.

У меня отец погиб.

Нас воспитывали полуграмотные матери, а вернее сама невероятно трудная жизнь.

Миша Папсуев (в белом) с мамой, бабушкой и родственниками. Конец войне – впереди мирная жизнь. Фото 1945 г.

Как воспитывали матери? В основном личным примером – адским терпением и трудолюбием. В колхозе на общем собрании в начале года утверждался минимум трудодней, который каждый колхозник должен был выработать. Не выработавший придавался СУДУ!

На трудодни зерна, например, выдавали граммы. Но выдавали ещё и сантиметры лугов, т. е. сено для коровы. Луг на сено можно было получить и за сданного в колхоз телёнка. А корова – это была ЖИЗНЬ. Без своего хозяйства – смерть! Мы с матерью жили вдвоём. Мать ежедневно в колхозе. А своё хозяйство? Я должен был наносить из – под горы на коромысле в ведрах воду, полить огород, прополоть посевы, накопать и начистить картошку для себя и для маленького поросёнка.

Нужно было много начистить и натереть на терке картошки, если предполагалась выпечка хлеба. Хлеб был ПОЛУКАРТОФЕЛЬНЫЙ! В него «употреблялся» картофельный жом.

Для свиней на огороде надо было нарвать травы. Или выгнать свиней на выпас. Но от выпущенной на свободу свинки отойти невозможно. Это такая умная тварь, что мигом окажется в огороде. Рылок, КАК БУЛЬДОЗЕРОМ, раздвинет весьма прочную ограду.

Однажды, выпустив свинью на выпас, мне потребовалось отлучиться по мальчишеским делам. А в тот год был огромный урожай жёлудей на дубах. А свиньи очень любят жёлуди. Я решил свинью обмануть – нарвать на дубу жёлудей и рассыпать их по траве, чтобы свинья их подольше собирала. Залез на дуб, и собираю жёлуди за пазуху. Был в одной холщёвой рубаше. На кончике жёлудя растёт небольшая иголочка. Как повернёшься с жёлудями за пазухой, на животе появляются кровавые рубцы.

Дуб стоял на косогоре. Смотрю, моя свинья уже в огороде Ивана Родионовича. Назревал скандал. Чтобы сократить время приближения скандала, я решил не слезать с дуба по его стволу, а спрыгнуть прямо на землю с прогнувшегося подо – мной низко к земле сука, на котором сидел. Не учёл одного. Когда я прыгнул с сука, сук дуба освободился от моей тяжести, И ПОДБРОСИЛ МОИ НОГИ ВВЕРХ! Я пошёл на землю ВНИЗ ГОЛОВОЙ! Спас косогор, и я упал по касательной к земле.

Мы очень любили лес, шумевший за речкой Вороницей, которая протекает в 500 метрах от сена. В праздникикомпанией, летом и весной, если праздник был без снега, мы шли в лес. Особенно на Пасху и Троицу. Матери давали нам по паре яиц, и даже по четвертинке самогонки на двоих. Наши матери нам доверяли, и не сомневались в нашей благонадёжности.

Однажды на Троицу мы пришли в лес со своей скудной снедью. Нас было человек 10, яиц было много. Коля Лобанов дома взял большую сковороду и сковородник. В лесу мы наполнили сковороду разбитыми яйцами, и начали жарить. Яйца без жира пригорели, и уместились не все на сковороде. А нам хотелось зажарить всё, чтобы засесть за трапезу «всем своим колхозом».

На Алексее Бруеве была одета брезентовая шахтёрская куртка, подаренная братом. Коля скомандовал Алексею снять куртку, высыпал на неё яичницу из сковороды, и приступил к жарке второй порции яиц. Вот такие были времена...

...

Лучшим моим другом детства был Бабенков Виктор Григорьевич. В селе вместе с матерью появился в 1943 году. До войны их семья жила в Комаричах Брянской области.

Его отец, Григорий Яковлевич Бабенков был главным бухгалтером спиртзавода. Григорий Яковлевич в 1941 году был уже в солидном возрасте, и в Армию- на фронт призван не был. Оказался на оккупированной территории и стал старостой (или бургомистром). Точно не знаю, кем. Знаю, что в 1945 году, как предателя Родины, по табели о ранге немецких прислужников получил 10 лет лагерей. Но просидел 11 лет. Один год ему набросили за то, что, будучи там хлеборезом, неточно взвесил пайку хлеба...

Остался же он живым благодаря изобретательности его жены Арины Емельяновны. Она изобрела продукт, который высылала в посылке в лагерь мужу.

Отварную очищенную картошку Арина Емельяновна пропускала через мясорубку, затем капитально, ДО ХРУСТА, ЕЁ СУШИЛА. Такой продукт был лёгким. Его много влезало в посылку. Продукт долго не портился. Легко и быстро готовился к употреблению простой заливкой кипятка. А главное – он не был привлекательным для разных вертухаев, и полностью доходил до мужа. (Так что это было задолго до американских чипсов! – прим. Ред.)

Освободился Григорий Яковлевич в 1957 году. Прибыл в село уже в весьма солидном возрасте. Несмотря на то, что он был ЗЕКом по политстатье 58, его назначили бригадиром в укрупнённом колхозе, причём бригада была равна колхозу до укрупнения. Ведь в первые годы коллективизации он был одним из первых председателей колхоза.

В процессе работы Григорий Яковлевич предложил перевести его бригаду на хозрасчёт. Предполагаю, что тогдашние руководители колхоза слабо представляли, что это такое. А тут ещё предлагает бывший ЗЕК. Предложение Бабенкова подвергли остракизму, и он отказался от должности бригадира. Тогда его поставили пасечником. Будучи уже довольно старым, пасекой он руководил до самой смерти.

...

Сын Григория Яковлевича, мой лучший друг Виктор, был очень «ушастый» хлопчик. В школу в первый класс он не ходил, а пошёл сразу во второй класс. И никто из учителей этому не препятствовал. Таким образом, будучи почти на год «млаже» меня, в школе он учился на один класс старше меня, на одни пятёрки.

Был маленький, огненно рыжий. Однажды вместе с девочками на Троицу мы «завивали» венки в лесу. Среди нас была крепкая девица Шура Переходкина – тоже рыжая. Она подхватила Витьку на руки и запела:

*Некрасивая сосна
Красивый подсосёночек,
А я рыжая сама,
Коричневый милёночек.*

Виктор привил мне любовь к книгам. Мы с ним были единственными из ребят в селе, кто выписывал газету «Пионерская правда».

В январе 1948 года мы с Виктором вступили в комсомол. Для утверждения мы должны были идти за 12 километров в Райком ВЛКСМ. В январе день короткий. В январский холод, в потьмах, возвращаясь домой, мы сбились с дороги, и ночевали на хуторе Ходынка у нашего почтаря Алексея Арсентьевича.

В 1949 году Виктор закончил семилетку на одни пятёрки. Поехал в тогдашний город Горький поступать в речное училище. В речное, потому что там был полный государственный кошт (расходы на содержание, пропитание, иждивение; средства на жизнь). Однако, медкомиссию не прошёл из – за плохого зрения.

...Подозреваю, что зрение тут ни при чём. Не приняли его из – за отца. Поняв это, Виктор, круглый отличник, поступил в ремесленное училище при Горьковском заводе фрезерных станков (ПТУ ФС).

Окончив ремесленное, работал токарем – карусельщиком. В Армии служил в роте учебно – боевого обеспечения в Рязанском артиллерийском училище. Из Армии вернулся в звании старшего сержанта, имея удостоверения на право управления всех видов транспорта, который в то время был в артиллерии. Окончил техникум, сломал ногу, сходя с трамвая, и, будучи в гипсе, в совершенстве освоил ремонт телевизоров.

После токаря работал помощником мастера, мастером цеха, заместителем и начальником цеха, начальником заводской лаборатории и заместителем директора завода фрезерных станков с двенадцатитысячным коллективом.

Через пару месяцев после назначения Виктора заместителем директора завода, директор хватился, что надо ехать в Горком партии на утверждение Виктора в должности. Виктор усомнился, надо ли ехать в ГК КПСС. Ведь он был беспартийным! У директора отвисла челюсть. Он об этом не знал.

Конечно, партия была реально «наш рулевой». Об этом говорила и 6 статья Конституции СССР. Но когда сегодня говорят же доброжелатели, что «всюду были коммуняки», это не всегда было так. Просто достойные и беспартийные люди всегда ценились, как мой беспартийный сельский учитель, бывший партизан Ковалёв Александр Харитонович.

А Виктор Бабенков был не только беспартийный, но без высшего образования, да ещё и сын «предателя» «Родины»...

Мы с Виктором никогда не прерывали связи до самой его смерти. Он 3 года прослужил в Армии, и каждый год получал поощрительный отпуск на 10 суток. Следуя домой, где бы я ни служил (а я был уже офицером), он обязательно заезжал ко мне. А когда выросли мои дети, и мой сын учился в Горьковском высшем военном училище, я регулярно там бывал и базиро-

вался у Виктора. А потом мой зять после училища служил в 60-й танковой дивизии в Сормове, и я продолжил посещать семью Виктора.

Последние годы жизни Виктор стал злоупотреблять алкоголем. В разговоре с ним я спросил, как так получилось, что ты, разумный человек, а пристрастился к «зелёному змию». Он ответил, что сам не заметил как: «Виноваты друзья юности, с которыми ещё учился в ремеслу. Они стали классными токарями, но были токарями до пенсии. И когда я стал подниматься по служебной лестнице, старые друзья приглашали меня на свадьбы, крестины, юбилеи. А когда я почувствовал неладное, отказывался. Но на меня страшно обижались, упрекали в зазнайстве...»

Умер Виктор рано, далеко до шестидесяти. Приехал в отпуск в деревню, и там умер. Я получил из деревни телеграмму о его смерти, и поехал на похороны. Но две дочери Виктора прислали телеграмму – отца в деревне не хоронить. Приехали на автобусе, забрали гроб с телом отца. С гробом в нижний Новгород поехал и я.

...Таких похорон человека нашего ранга я в жизни не видел. Через его квартиру, где стоял гроб, прошло не менее тысячи человек. На кладбище приехало два «Икаруса» с людьми.

На мой вопрос: «Откуда такие автобусы?» Мне ответили «Приобретены стараниями Виктора Григорьевича».

Поминки после похорон были организованы заводом в заводской столовой, хорошо оформленной, с прекрасным дизайном. На мой вопрос: «Кто оформлял столовую?» я получил ответ: «Сделано по проекту Виктора Григорьевича»

Я горевал, что потерял верного друга, а завод фрезерных станков – талантливый руководитель.

...

Другим моим другом был мой однофамилец Алексей Папсуев. Алексей два раза начинал ходить в 5 класс. И оба раза учился только до Нового Года. Причина – голодуха и нищета. Голодный и раздетый много не научится...

Правда, официально, второй раз он был исключён из школы за хулиганство. На уроке географии он насадил на английскую булавку корочку хлеба, и выстрелил. Корка попала в ЛЮБ ДИРЕКТОРА ШКОЛЫ Фёдору Егоровичу Терещенкову, который вёл урок. И его исключили из школы.

А когда жить стало получше, и в школу пришёл новый директор Иван Павлович Купцов, Алексей упрямился, чтобы его приняли в 6 класс, не кончая 5 класса. Учителя его хорошо знали, раньше он учился хорошо. Ему поверили и приняли в 6 класс. Мы готовили уроки вместе. Я ему помогал. Бывало, из немецкого текста в словаре я выписывал 3 незнакомых слова, а он – 13!

Но семилетку он закончил успешно. Работал в Брянске, учился в аэроклубе. В Армии служил в Батайском авиационном училище. Хотел стать офицером. Не получилось. Но старшиной – сверхсрочником служил долго.

Женился на женщине с двумя детьми, плюс теща. Кроме приданного в виде двух детей, родил своего сына. С такой семьёй окончил техникум. Жил в Азове, работал на военном заводе. Я с семьёй был у него в гостях, а он у меня в военном ракетном городке. Как он сейчас – не знаю.. Наша связь как – то прервалась.

...Под стать нам были наши девочки – одноклассницы. Ведь условия жизни у нас были одинаковые. А по Марксу – бытие определяет сознание.

Шура и Катя переходкины окончили медицинский техникум. После учёбы Шура в мордовской деревне была уважаемым «доктором». Вышла замуж. Родила двух парней – близнецов. Живёт в Москве. Катя вышла замуж, родила сына, живёт в Санкт – Петербурге. Обе пережили

большую семейную драму. У Шуры погиб сын – один из близнецов, а у Кати погиб единственный сын.

Аня Новикова окончила Лобненский строительный техникум. Вышла замуж, родила двух детей. К сожалению, рано умерла.

Рая Багиутина окончила строительный техникум. Получила направление на работу в Дубну. Вышла замуж за чешского инженера – ядерщика. В Праге родила дочку. Но ума хватило. В тайне от мужа зарегистрировала дочь в советском посольстве и сделала её гражданкой СССР. Узнав о проделке жены, муж чуть не развалил дом. Рая живёт в Обнинске.

Шура Папсуева окончила Одесский университет. Работала в школе. Имеет детей. Живёт в Фрунзе (Ред.?) Рая Морозова, по мужу Мякшина, закончила Шанталовский сельскохозяйственный техникум, по специальности агроном. Не работала по специальности. Окончила Смоленский пединститут. Вышла замуж. Родила двух дочерей. Работала в средней школе в селе Рухань, где её муж был директором. После смерти мужа директором Руханьской школы стала она.

Из школы, руководимой Раисой, стабильно успешно поступало много выпускников в Смоленский пединститут. Институт возбудил перед Министерством образования РСФСР ходатайство о присвоении ей звания «Заслуженный учитель России». Сейчас заслуженный учитель России Макшина Раиса Андреевна живёт в Смоленске.

...

А другие ребята?

Степан Бруев, по слухам, где – то работал директором совхоза, а наш народный математик Вася Сонн – главным инженером крупного Сибирского завода.

Я, Вася Седов, Вася Горбунов, Сергей Папсуев стали офицерами Советской Армии.

Более позднее поколение – Валерий Кондрашов был директором электростанции, а его друг Валерий Атрошенков – был секретарём Смоленского горкома комсомола.

Мой ровесник Гриша Грущилин служил в авиации, в том полку, на самолёте которого разбился наш земляк – смолянин Юрий Гагарин. Гриша долго руководил всей сельскохозяйственной техникой совхоза «Сукромлянский».

...

Мои земляки стали такими притом, что в школе нас учили учителя, даже не имевшие педагогического образования. Анна Андреевна Иваничкина и Мария Ивановна Гореленкова окончили какие – то «курсишки», и успешно учили нас в школе.

А Александр Харитонович ковалёв вообще ничего не заканчивал, кроме 10 классов перед войной. Партизанил, был искалечен в операции «Багратион» при освобождении Белоруссии. Из госпиталя в 1944 году прибыл к нам в школу и толково учил нас математике до самой своей пенсии.

Заключение

В моём родном селе Сукромля почти все мои сверстники уже ушли в мир иной. Это естественно, так устроена природа. Это не страшно.

Самый благородный труд – на земле!

Страшно то, что умирает деревня. Нет, дома есть. Около них бродят старики. А редкая в деревне молодёжь часто живёт по – принципу – человек человеку друг, товарищ, брат, но в основном волк. Есть случаи даже воровства скота с индивидуальных подворий. Это не символические колоски. Деды и бабушки, почившие в бозе («новопреставленный»), перевернулись бы в гробу, узнав об этом...

От состояния сельского хозяйства, деревни, зависит благополучие нашей страны. Заросшие лесом нивы в деревне создают никакого благополучия, так же как исчезновения крестьянина – будь то колхозник, фермер, латифундист, владелец фазенды или ранчо.

Отзывы читателей

Уважаемый Михаил Дмитриевич!

СПАСИБО ЗА ПАМЯТЬ О ДЕРЕВНЕ СУКРОМЛЯ!

Пишет Вам бывший руководитель фольклорного ансамбля «Околица» деревни Сукромля Зюзикова Л. И. У меня много художественного материала по этой теме. Весь этот материал – к Вашим услугам! Наш земляк **Анатолий Лобанов** обращается к нашим землякам —сукромлянам авторской песней.

Малой Родине, дорогой Сукромле и всем сукромлянам с нескрываемой ностальгией по прошлому деревни, с надеждой на возрождение традиций и пожеланием благополучно выстоять и пережить переломный момент в жизни деревни и всей России, избежать участи соседних деревень. Дарю песню, посвящённую Сукромле.
Лобанов Анатолий Сергеевич

Там, где речка Вороница льётся,
Место есть на её берегу.
Это место Сукромлей зовётся,
Без неё я прожить не могу.

Сукромля, ты старинная
Стоишь уже сотни лет.
В четыре ряда длинная,
Дороже сердцу нет.

Красотою места твои славятся,
Завлекают в объятья свои.
Ты всегда, как невеста красивая,
И об этом поют соловьи.

В лесах грибы да ягоды,
Рыбалка на заре.
Из родника попьёшь воды-
Бальзам на душу мне.

Ты в округе для нас была главная,
По размеру, по складу души.
И сейчас ты такая же славная,
Сукромляне всегда хороши.

Ты песнями богатая,
Традиций не теряй.
Судьбою не распятая,
Рожай, не вымирай.

По натуре ты гордая, скромная,
И какая ни грянет беда,
В тебе сила таится огромная,
Одолеешь беду ты всегда.

Ты сильная, не квёлая,
Пахала на себе.
Но ты была весёлая
На перебор судьбе.

Для гостей ты всегда хлебосольная,
Коль гулять – не считаешь гроша.
О тебе моя песня раздольная,
Ведь с тобой не стареет душа.

Живи, Сукромля милая
На радость много лет.
В четыре ряда длинная,

Такой на свете нет.

Об авторе стихотворения А. С. Лобанове (1937- 2016)

Анатолий Сергеевич Лобанов родился в 1937 году. Во время Великой Отечественной войны его отец Лобанов Сергей Емельянович, искалеченный на фронте, из госпиталя на реабилитацию был отправлен в Киргизию, так как Смоленщина была в оккупации. После войны Сергей Емельянович вернулся домой. У Анатолия появился брат Олег. Анатолий окончил 10 класс. В школе отличником не был, но учился легко, без напряжения. Хорошо знал математику. В Армии Анатолий не служил, так как в 1947 году стал инвалидом.

С двоюродным братом, подростком Виктором Бабенковым в «Пионерской правде» усмотрели чертёж и описание, как изготовить вертушку из жестяного пропеллера и швейной катушки. Вертушку успешно смастерили, но при испытаниях пропеллер попал Анатолию в глаз, которым Анатолий до конца жизни больше не видел.

Из Сукромли Анатолий с матерью Екатериной Сергеевной, урождённой Бруевой, и братом Олегом переехали в Брянск, затем в Москву, где Анатолий окончил техникум работал в системе ЖКХ.

Колхоз

Часть 1

Слово «колхоз» в наше время уже ушло из применения в современном российском лексиконе.

Из нынешнего молодого поколения мало кто может толково объяснить, что такое колхоз. Иногда о коллективе, в котором налицо беспорядок, говорят:

– Что вы развели тут колхоз?

А однажды на одном из занятий командного состава зенитно-ракетных полков (зрп) по оперативно-тактической подготовке в штабе 17 корпуса ПВО ОН (противовоздушной обороны особого назначения-защита неба Москвы и области- прим. ред.) начальник штаба одного из полков подполковник Гжеусский, не лишённый чувства юмора, при обсуждении методов объективного фотоконтроля (работы боевых расчётов-прим. ред.), заявил:

– А в нашем военном колхозе с ракетным уклоном дело обстоит не так!

Начавшая своё существование в 30-х годах 20 века колхозная система постоянно совершенствовалась. Вначале колхозы создавались по населённым пунктам. В малом населённом пункте создавался маленький колхоз. А в моём родном селе Сукромля Ершичского района Смоленской области было создано два колхоза – им. Калинина и им. Ворошилова. Так колхозники и называли себя и друг друга – калининцы и ворошиловцы. Судя по всему, в моём селе колхоз в 30-х годах создавался «с большим скрипом».

Вначале созданный колхоз распался, затем был создан вновь. При распаде колхоза своё имущество из него владельцы забирали по списку под роспись. А чтобы в списке не было первого, на лист бумаги ставилась тарелка. По ней очерчивался круг, и росписи ставились по кругу.

Как бы там ни было, колхозы появились и стали реальностью. Причём за значительный период своего существования более успешными были малые колхозы. В небольшом колхозе труднее было «затеряться» лодырю, хапуге, недоброжелателю и т. д.

А следовательно, лучше содержался скот, инвентарь, хозяйственные постройки. Техники в колхозах не было. Львиная доля успеха зависела от состояния тягла – лошадей. Те тысячи тракторов, о которых мечтал В. И. Ленин, находились в МТС (машино-тракторных станциях), и трактора работали по договору МТС с колхозом.

Взаимоотношения МТС и колхозов хорошо показаны в кинофильмах «Дело было в Пеньково» и «Чужая родня». В кинофильме «Дело было в Пеньково» Максим Морозов повесил на свою хату портрет председателя колхоза потому, что не знал, что он недостойный. А мои земляки говорили, что нашему колхозу всё время не везло на председателей. Жизнь показала, что многое для успеха колхоза зависит от объективных причин.

Взять очевидную вещь- дорогу. От неё в значительной степени зависело и сегодня зависит благополучие села. Колхоз, расположенный у благоустроенной дороги, в любое время может проехать в любое место по хозяйственным нуждам. Он может обойтись одной автомашиной там, где дальнему колхозу нужны три автомашины.

О роли дороги в хозяйстве и трудности её строительства хорошо показано в кинофильме «Человек на своём месте», где показано, как молодой председатель колхоза Бобров строит дорогу в селе Бобры, используя соседство строящегося комбината.

А вот по соседству с моим родным колхозом «Искра» на Смоленщине никакого крупного строительства не оказалось. Так в низине, около бывшего хозяйства «кулаков» Оглоблиных в сырое время года постоянно дежурил трактор для буксировки автомашин по грязи. А затем

колхоз купил где-то списанный грейдер. Его колхозные умельцы отремонтировали, и председатель колхоза Сеницын Филипп Васильевич часто лично руководил работой грейдера.

В период отсутствия в колхозах автотранспорта и других машин бездорожье как-то не очень ощущалось. Лошади тянуть телегу по грязи тяжело, а бык вообще идёт медленно, но никогда не буксует. А вся сельхозтехника- в МТС.

Часть 2

МТС (машино-тракторная станция) в сельской местности – была организация могучая. Все трактористы и другие механизаторы, агрономы, зоотехники числились в кадрах МТС. При МТС были политотделы, а позднее секретари РК КПСС по зоне МТС, т.е. по территории, которую обслуживала МТС.

В нашем районе было две МТС- Ершичская и Будёновская. Трактористы работали по договору МТС с колхозом, и были в каждом колхозе на особом положении. Питание трактористам обеспечивал колхоз по высшему уровню. За работу тракториста получали не трудодни, как колхозники, а деньги из МТС и натуральные продукты из колхоза.

В середине 50-х годов 20-го столетия главным агрономом Ершичской МТС была Зубкова Тамара Емельяновна. Высокая худощавая девица. Не модель, но обаятельная, и большая умница. Родом она была из Можайска. Окончила Тимирязевскую сельскохозяйственную Академию в Москве, и по направлению по выпуску была направлена в Ершичи.

Главный агроном МТС Зубкова Тамара Емельяновна, 1954 г.

Именно Тамара «кидалась на танк» районных организаций, когда надо было защищать интересы и честь МТС. Особые отношения у неё были с главным редактором районной газеты «Правда полей» – «полявка», как газету называли в колхозах. Главным редактором газеты была Екатерина Ивановна Витковская, седая стойкая большевичка- мать моего лучшего друга Энгеля Георгиевича Савельева. Савельев, отслуживший в Армии в десантных войсках, был председателем районного комитета физкультуры и спорта при райисполкоме, и был на волне типа «вась-вась» с Тамарой Емельяновной. Газета в каждом номере давала материалы по МТС. И не всегда в позитивном тоне. Тут Тамара кидалась в атаку, отстаивая честь мундира. Но тем не менее Екатерина Ивановна пришла к выводу, что сыну пора жениться- и жениться на Тамаре.

Слева направо Савельев Э. Г., Папсуев М. Д., секретарь РК ВЛКСМ Смашнёв И. Я., 1954 г.

Энгель был в командировке, а Екатерина Ивановна, будучи в отпуске, решила куда-то выехать из райцентра. С Тamarой жили мать и старшая сестра Ольга с дочерью, которая работала в бухгалтерии МТС. Екатерина Ивановна позвонила не Тамаре, а Ольге, и попросила её

забрать на хранение кое-какие вещи, поскольку квартира остаётся без присмотра. Ольга привезла к себе чемодан на хранение.

А когда сын приехал из командировки и решил сходить в баню, то в квартире не нашёл ничего из своей одежды. Пошёл в МТС к Зубовым. А ему там говорят:

– Вон твоя мать прислала своё богатство, чтобы не своровали воры.

– В чемодане мои трусы и майка, – ответил сынуля, и остался при чемодане.

Так мой друг «вышел замуж» с благословения матери.

Будучи женатым, Савельев закончил очно Смоленский пединститут. Будучи студентом, постоянно руководил студенческим рабочими отрядами. Зарабатывал деньги, на шее жены не сидел. Родил сына Бориса. Последняя моя встреча с Савельевым состоялась, когда он уже был директором школы в посёлке Свень под Брянском.

Авторитет же Тамары в районе был непререкаем. На зимний период вся техника МТС стягивалась из колхозов на центральную усадьбу. Зимой шёл ремонт техники. И когда в мастерских появлялась Тамара Емельяновна, никто не мог позволить себе выразиться нецензурно. Даже тот тракторист, который ударил себе молотком по пальцу.

...

Будучи заведующим орготделом РК ВЛКСМ, я зимой часто бывал в МТС. В МТС была самая большая комсомольская организация. Среди молодых трактористов и ремонтников у меня появились хорошие приятели, что мне очень помогло потом летом, когда я бывал в командировках в колхозах.

В это время в колхозах не было никаких объектов общественного питания. Прибыл в командировку – питайся как хочешь. А если тебя селяне не взлюбят – неизвестно к какой тётке —неряхе тебя поставят на постой. И сколько клопов ты привезёшь домой из чужой постели.

Бывалые командировочные базировались по знакомым. Мне тогда было 20 лет. Какие у меня в деревнях были знакомые? Вот я, будучи в командировках, и якшался с трактористами-комсомольцами. У них часто и питался.

Часть 3

Колхоз – многострадальная хозяйственная организация. Во все времена благополучие колхоза определялось отношением колхозников к общественному труду, состоянием инвентаря, поголовья скота, состоянием посевных площадей и т. д. До 50-х годов 20 века особое внимание уделялось лошадям. «Тягло» было на особом счету. Перед Великой Отечественной войной лучшие лошади колхоза были на особом учёте в военкомате. Такие лошади в колхозе назывались военкоматовскими. Из всех колхозов военкоматовские лошади приводились к сельсовету на ветеринарный осмотр. Мероприятие значимое! Мы, пацаны – тут как тут. На ветосмотре некоторые лошади выбраковывались. И горе было тому колхозу, который на ветосмотр представил бракованных лошадей.

Естественно, что военкоматовские, т.е. лучшие лошади в первые дни войны были взяты для Армии. В Армию лошади ушли и с лучшими, самыми работоспособными колхозниками. Колхоз оказался и без тягла, и без работников. А объём работ и задачи колхоза возросли в связи с войной...

...

Перед войной в нашем колхозе им. Калинина была автомашина – полуторка. Но к началу ВОВ она была неисправна. Не было запасных частей. Машина стояла в пожарном сарае, и когда началась война, её машинами отбуксировали в райвоенкомат.

Скудными силами проводилась уборка зерновых. При приближении немцев к селу-проводилась эвакуация скота. Стадо угонялось на Восток. Непосредственно «коровьими командирами» были старики. В помощь старикам давались молодые девушки. Ведь коров нужно было кому-то доить. Молоко отдавали молочным предприятиям по пути следования стада, встечающимся воинским частям и местным жителям.

20 августа 1941 года в наше село вступили немцы. Зерновые в это время были убраны. Контора колхоза была разграблена. Учёт трудодней колхозников утрачен. И колхозное картофельное поле осенью делили между колхозниками по количеству грядок на едока в семье.

Оккупация села продолжалась до 23 сентября 1943 года- более двух лет. Колхоз не существовал. Селом руководил староста. Пахотная земля и луга делились по количеству едоков в семье. Да и земли и лугов нужен был самый минимум. Скота-то практически не было.

Чтобы ликвидировать питательную среду для партизан, немцы отобрали у жителей весь скот. Селяне жили на лопате и лебедь в огороде, на грибах и ягодах в лесу. Но и в лес-то было попасть проблематично. За ним бдительно следили немцы. Там – партизаны.

Неустранимой бедой во время оккупации было отсутствие соли. Можно сварить щи из шавеля и лебеды, деликатесы из грибов. Можно сварить «тошнотики» – лепёшки из прошлогодней гнилой картошки, весной подобранной на картофельном поле.

Но без соли всё это было малосъедобно.

...

Высшее партийное и государственное руководство страны всегда не устраивало состояние дел в сельском хозяйстве. Кураторство сельским хозяйством в ЦК ВКП (б), а позже в ЦК КПСС считалось должностью провальной, и ЦК постоянно занимался проблемами колхозов.

В 1939 году вышло Постановление ЦК ВКП (б) и СНК (Совет народных комиссаров, т. е. Совет Министров) СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». Это Постановление напрямую коснулось и моей семьи. Определённый колхозному двору размер приусадебного участка заносился в так называемую «Шнурованную книгу» колхоза. И больше того, что было записано в этой книге, быть не должно.

На участке, определённом моей семье, стоял колхозный сарай. От дряхлости он развалился, а т.к. стоял в неудобном месте-его убрали. Весной, распахивая свой участок, отец выпа-

хал и место, где стоял сарай-внутри своего огорода. Отца осудили за самовольный захват колхозной земли и определили ему 3 месяца принудительных работ.

В 1939 году ЦК так же обсуждал вопросы развития животноводства, в 1940 году обсуждались вопросы заготовок и закупок сельхозпродуктов.

Во время ВОВ колхозы руководствовались общим лозунгом: «ВСЁ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЁ ДЛЯ ПОБЕДЫ!» Так оно и было. А вот после оккупации значительной нашей территории и в первые послевоенные годы!!! Это были самые трудные годы для моего колхоза. Об этом периоде я уже писал в одной из своих повестей. Больсердца вызывает ещё раз рассказать об этом.

...

Наше село было освобождено от оккупации 23 сентября 1943 года. День Освобождения Смоленщины, как важнейший праздник, отмечается ежегодно 25 сентября.

Сразу после освобождения был создан колхоз. Что значит создан? Собрали плуги, бороны в одно место, избрали безрукого председателя, как в кинофильме «Председатель» с той лишь разницей, что в нашем селе никакой скотины не было и поднимать в сарае отощавших коров было не надо...

В селе в 300 домов был один очень «грамотный», оставшийся в живых кобель Барбос, принадлежавший семье Лобановых и два жеребёночка-стригунка, которые мы, пацаны, «отбили» у немецкого обоза и загнали в один из сельских дворов. На таком «тягле» много не попахнешь. Колхозное поле и приусадебные участки пахали лопатой и плугом.

А «тяглом» были женщины и подростки. Плуг тянули 8 человек, борону – 3 человека. Легко сказать – тянули. А как приладиться тянуть? К концам валька плуга привязывались верёвки. Их другие концы привязывались к слеги длиной на 4 человек. Что такое слега популярно объяснил старшина Васьков в кинофильме «А зори здесь тихие». На других 4 человек бралась другая слега.

Попытались привязать её к первой слеги. Невозможно. Невозможно удержать первую слегу, т.к. она жёстко привязана ко второй и тянется ею... Верёвки второй слеги так же привязаны к вальку плуга. Но они стали мешать первой четвёрке «тягла». Но это было уже меньшее зло. Правая сторона «цуга» – сила 4 человек -по уже вспаханному месту, что было очень неудобно. Туда ставились более молодые здоровые женщины. Плуг в руках держал кто-нибудь из стариков – дед или бабка.

Так пахались приусадебные участки во внерабочее от колхозной работы время, а колхозное поле нужно было копать только лопатами. Пахать на себе плугом почему-то запрещалось. Но копать лопатой труднее и медленнее. Женщины пахали плугом украдкой, храня плуг в кустах.

После работы на «вспашке» давался «день отдыха», в который женщины брали мешки и шли на железнодорожную станцию за семенами за 25 км. Там им насыпали в мешок 1 пуд (16 кг) зерна, и они топали обратно.

...

Во время войны в решении транспортных вопросов иногда колхозу везло, если в селе появлялась на отдыхе или формировании какая-нибудь воинская часть. Она, как правило, помогала колхозу транспортом.

...

Я глубоко убеждён, что героический адский трудсоветских женщин во время войны и в первые послевоенные годы по достоинству не оценён. Они достойны не менее солидного памятника, чем монумент Родине – матери в Волгограде. Да и не нашли ещё такого материала, из которого можно построить памятник, достойный наших женщин. Довоенный монумент Мухиной «Рабочий и колхозница» «жидковат» по своему значению

Часть 4

К 50-м годам 20-го столетия ЦК КПСС и Совет Министров СССР не единожды обсуждали «коренные вопросы» сельского хозяйства и принимали по ним соответствующие решения.

В 1951 году началось укрупнение колхозов с целью дальнейшей концентрации сельскохозяйственного производства. До объединения в стране было 254 тысячи колхозов, к концу 1953 года стало 94 тысячи крупных колхозов. А к концу своего существования наш колхоз «Искра» объединил 10 населённых пунктов.

В 1954 году Пленум ЦК КПСС рассмотрел вопрос освоения целинных и залежных земель. В 1955 году было решено направить из промышленности в сельское хозяйство 20 000 коммунистов на руководящую работу. К нам в Ершичи на должность директора МТС из Москвы был прислан инженер одного из московских заводов некий Гросвальд.

На решения партии оперативно отреагировал наш РК ВЛКСМ. Решением бюро Ершичского РК ВЛКСМ бригадиром одного из колхозов был направлен второй секретарь РК ВЛКСМ Сатолин Николай Романович. До РК ВЛКСМ Сатолин работал агрономом по пчеловодству при райисполкоме. Руководил всеми пчёлами района. В своё время он окончил сельхозтехникум и заочно учился в сельскохозяйственном институте. Богатырь по комплекции, красавец Сатолин был направлен в колхоз, где жила его тёща.

Году в 1962 я один без семьи ехал в отпуск на малую Родину. Из Рославля до Ершич меня подвозил случайно шофёр. Он всю дорогу рассказывал, какой хороший у них председатель колхоза Сатолин Николай Романович. Сатолин не пил, не курил. Был божеством для колхозников. К сожалению, рано умер из-за больного сердца.

Но переломным моментом в развитии колхозов в послевоенный период явился сентябрьский Пленум ЦК КПСС 1953 года. Пленум обсудил вопрос «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР». В результате решений Пленума были повышены закупочные и заготовительные цены, снижены размеры обязательных поставок, укреплен материально-техническая база сельского хозяйства, значительно увеличены ассигнования на нужды колхозов и совхозов.

До этого в кассе колхоза никогда не было наличных денег. Банки только документально давали колхозам ссуду. И свои платежи колхоз осуществлял через банк тоже документально, не имея в кассе наличных денег, а в конце года гасил ссуду банку тоже документально, продав свою продукцию государству, так же оформив продажу документально.

...

Помню, в деревню привезли на лошади кинопередвижку. Райком партии настоятельно рекомендовал показать колхозникам кинофильм «Кубанские казаки» за счёт колхоза. В кассе колхоза с большим трудом нашли 150 рублей на оплату фильма.

...

Были случаи, когда колхозники заливали водой свои пчелиные улья. Рубили в огороде свои яблони. Ведь за них нужно было платить налог! Имея корову, колхозник должен был сдать государству 380 литров молока в год- жирностью 3,9%. При меньшей жирности молока сдавалось больше. Нужно было сдать государству мяса в живом весе, яйца, шерсть- не взирая на то, есть у тебя куры и овцы.

...

После сентябрьского Пленума ЦК КПСС всё коренным образом изменилось. Устанавливался сельхозналог в денежном выражении в зависимости от наличия в пользовании колхозника площади земли. На Смоленщине была ставка в сумме 8 рублей за 0,01 га. Вся сельхозпродукция заготавливалась в форме закупок по весьма приемлимым по тем временам ценам.

Сельхозтехника из МТС была передана колхозам. Появилась нужда в колхозных механизаторах. Были организованы профтехучилища по бесплатной подготовке механизаторов для колхозов. ПТУ выпускали, как говорили в колхозах, «трактористов-машинистов широкого профиля и узких знаний». В кассах колхозов появились деньги. Стал закупаться племенной скот.

...

На западе Ершичского района Смоленской области есть деревня Телюковка. Телюковка потому, что половина её жителей по фамилии Телюковы. Телюковцы купили племенного бычка. Вырос огромный красавец – бугай. Но оказался весьма свирепой животинкой.

Бык становился смирным, если привязывался на верёвку за кольцо, вставленное в его верхнюю губу. Но если бык срывался с привязи – держись деревня!!! В таком случае подростки садились верхом на лошадей и кнутами загоняли быка в сарай. С большим трудом с верхних балок сарая накидывали на рога быку аркан. Притягивали быка лбом к столбу. Зоотехник привязывал верёвку за кольцо в губе быка и спокойно вёл быка в стойло.

Летом 1954 года я оказался в Телюкове в качестве уполномоченного РК КПСС с задачей установить истинное положение с заготовкой грубых кормов – сенокосом. При обсуждении положения дел с председателем колхоза Телюковым в контору прибежали пацаны с возгласом:

– Иван Петрович, бык!!!

Председатель:

– Где он???

Пацаны:

– Приехал секретарь райкома Краснощёков. «Победа» засела в луже. Бык ходит вокруг машины!!!

«Усмирение быка» – для пацанов аттракцион весьма желанный. Они были уже с кнутами. Но председатель принял неожиданное решение. Выдал команду девушке-счетоводу:

– Катя, пока бык охраняет секретаря райкома, готовь сводку по колхозу, а я —на луг.

Мы с председателем колхоза на мотоцикле уехали на луг, а в деревне началась эпопея по усмирению быка.

...

При появлении денег на счетах и в кассах колхозов дело дошло и до строительства дорог. В 1975 году, будучи на уборке урожая с автомобильным батальоном в Орловской области, объезжая подразделения батальона к центральной усадьбе одного из колхозов, я подъехал по только что построенной, прекрасно обустроенной трёхкилометровой шоссейной дороге. На мой вопрос:

– Кто строил дорогу?, – председатель ответил «Строил колхоз»

Но дорогу председатель колхоза продал. На мой вопрос кому и как продал – председатель рассказал, что низина от асфальтовой дороги до центральной усадьбы была мукой для колхоза. Появились деньги. Решил строить дорогу. При строительстве дорога оказалась значительно дороже, чем планировали. Ушли все свободные деньги. А «Сельхозтехника» даёт телеграмму, что получены новые сельхозмашины, оплачивайте и получайте по разнарядке. А денег нет. Председатель колхоза готовился прощаться с партбилетом.

Но тут появился начальник ДРСУ (дорожно-мтстроительного управления), который не выполняет план. Просит председателя колхоза «продать» ему построенную колхозом дорогу, которую он покажет в отчётах как построенную им, а деньги за строительство дороги переведёт на счёт колхоза. Так и было сделано.

Колхоз купил новую сельхозтехнику, а ДРСУ получило премию за перевыполнение плана.

И шоссейная дорога осталась!

Часть 5

Другой формой ведения хозяйства в сельскохозяйственном производстве был совхоз. Совхоз вёл свою деятельность по тем же законам, что и фабрика, и завод. Руководил совхозом единоначально-директор совхоза.

Колхоз-это артель. И деятельность свою он вёл на основании «Устава сельскохозяйственной артели», который давал большие полномочия волеизъявлению членов артели. Волю членов артели выражало правление колхоза. Колхозники могли решать материально-хозяйственные вопросы по своему усмотрению, чего не могли делать рабочие совхозов.

Имущество же совхозов было государственным, а имущество колхозов было артельным, которым артель и распоряжалась. Поэтому, например, кубанские казаки, были категорически против замены колхозов совхозами.

Современные «умники» постоянно муссируют вопрос-той ли формой хозяйствования был колхоз, которую избрала Советская власть?

Сомневаюсь, что Столыпинская хуторская система смогла бы обеспечить страну продовольствием во время Великой Отечественной войны. К концу войны Советская Армия насчитывала 11 миллионов 360 тыс. человек. Их нужно было накормить, обуть, одеть. И всё это была продукция сельского хозяйства. А ведь солдат- бывший колхозник – не сеет и не пашет. Он только усиленно потребляет. Конечно, неплохо помогла и американская тушёнка- «второй фронт».

К концу своего существования колхозы постоянно наращивали производство. Увеличивали посевные площади земли. Раскорчёвывали кустарники, проводили мелиорацию заболоченных земель.

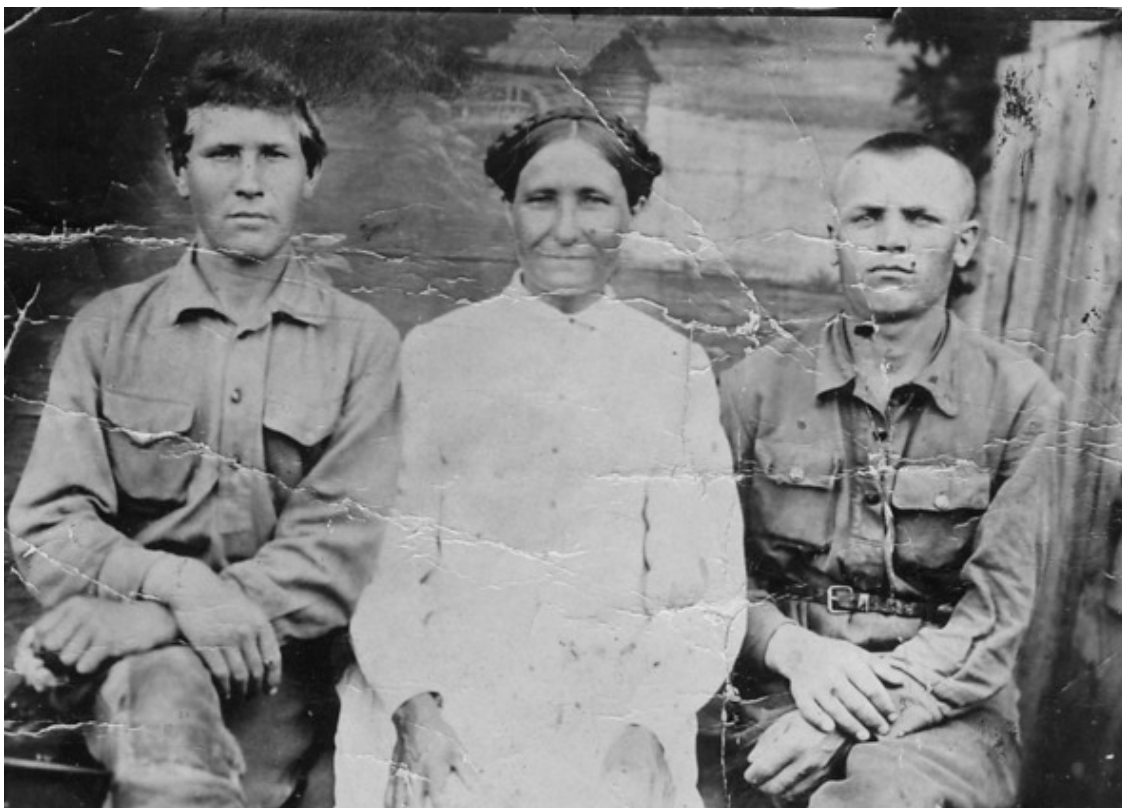
Тот факт, что перед кончиной колхозов полки продовольственных магазинов были пусты, не говорит о том, что туда нечего было положить. Оказывается, склады были забиты продовольствием. На железнодорожных путях стояли вагоны-рефрижираторы с мясом и другими продуктами. Искусственный дефицит продовольствия СССР был делом рук врагов нашей страны.

Не было ни троцкистов, ни бухаринцев, а истинные враги, как оказалось, были. Помоему, их позже тоже как-нибудь назовут. Народ Великого Советского Союза на референдуме высказался за сохранение единого государства. Не важно, как оно будет названо. Об этом заявили 80% граждан страны. Враги Росси – лжепатриоты страны- поступили по иному. В результате сегодня мы имеем то, что имеем.

После распада Советского Союза и колхозов 40 000 га пахотных земель заросли бурьяном и кустарником. Резко встал вопрос импортозамещения сельскохозяйственной продукции. Слыханное дело для России???

...

Кроме хозяйственных, колхоз решал и социальные вопросы. Будучи офицером в звании капитана, я как-то приехал в отпуск на малую Родину. Была жива моя бабушка Матрёна Андреевна, мать моего отца. Сколько было ей лет в то время, она точно не знала. Говорила, Говорила, что когда родился мой отец, ей было то ли 24, то ли 26 лет, а отец был 1908 года рождения. Во всяком случае ей было за 90. Мой дед погиб в Первую мировую войну. Моему отцу было 8 лет, моему дяде-6 лет.

Дядя Фёдор Егорович, бабушка Матрёна Андреевна (слева направо), 1939 г

Бабушка осталась вдовой в 30 лет.

Во Вторую мировую войну погиб мой отец. Мне было 8 лет. Погиб и мой дядя Фёдор. Моему двоюродному брату Сергею, ныне майору в отставке, было 6 лет.

Брат Сергей, 1954 г.

Моя мать осталась вдовой в 30 лет.

Бабушка Матрёна не знала ни одной буквы. Но когда появилось радио, она его постоянно слушала. На мой вопрос – как жизнь – бабушка ответила:

– Жизнь – умирать не надо! Только жить уже стыдно...

Таких старых, как она, уже давно в округе нет. Будучи не грамотной книжно, бабушка Матрёна Андреевна в 90-летнем возрасте была очень грамотной по жизни. Жила она со снохой-женой погибшего в войне младшего сына Фёдора Егоровича-Ефросиньей Антоновной.

На мой вопрос:

– Как к тебе относится Фруза?

Бабушка ответила:

– Относится по – всякому. А я как вижу, что она пришла с работы уставшая и злая – я больше помалкиваю. А тут мне как-то говорит, что я ей свекровь-чужой человек. Я ей ответила, что и она мне – чужой человек. Ну и давай жить, как подруги! Говорят, в Москве в общежитии подруги живут дружно!

За погибшего сына, моего отца, ей государство платило пенсию. Начиная от председателя колхоза и кончая конюхом, все в колхозе её уважают. Её оба внука вышли в «большие начальники» – один майор, другой подполковник. Бабушка говорила:

– Я, вдова, вырастила двоих сыновей, которых у меня отобрала война. Выросли внуки. Хотели учиться – учились. А кто бы вы были при старой жизни у матерей – вдов. Если бы

вам доверили пасти коров, было бы хорошо. А вы вот, пасёте, и наставляете на путь истинный своих солдат там в своих казармах. Власть наша – лучше быть не может. Плохо только, что мы её сами часто портим.

...

Так старуха в возрасте за 90 лет высказала своё отношение к колхозу, отождествляя его с Советской властью. Говорят-старый всё равно, что малый.

А устами детяти глаголет истина.

Там, где вызывали огонь на себя
Детство в фашистской оккупации и после. Воспоминания

*Ты говоришь – не знаю я войны,
Что лет тогда мне было маловато.
Так почему ж в мои врываясь сны,
Она покой взрывает, как граната?...*
(Неизвестный автор)

Глава 1

Кинофильм «Вызываем огонь на себя», поставленный по одноимённой повести Овидия Горчакова – художественный. Но для пожилых людей тех мест, которые там показаны, эти произведения документальны. Да и художественности там чуть-чуть. А события настолько драматичны, что не изгладились в памяти людей старшего поколения до сих пор.

Не изгладились они и в моей памяти, тогдашнего малолетнего свидетеля...

Не берусь судить о стратегических целях противостоящих сторон, но после долгих воспоминаний и размышлений хочу порассуждать о событиях на местечковом бытовом уровне.

Авиабазы Сеща была построена до Великой Отечественной войны. Расположена в регионе, где сходятся границы Брянской, Смоленской областей и Белоруссии в огромном массиве лесов.

С началом войны и при наших неудачах первого периода войны местное население и власти к приходу немцев готовились. Стада колхозного скота угонялись на Восток. Эту тяжёлую задачу осуществляли молодые девушки под присмотром стариков. Формировались партизанские отряды, намечались базы в лесах.

Но фашисты появились неожиданно быстро. В моём селе на смоленщине фашисты были уже 20 августа 1941 года. И оказались они не такими хилыми, как их представляли...

Первой жертвой в селе оказалась сельский врач – еврейка Рива, которую немцы расстреляли при первой встрече. Затем по селу начался отстрел кур. Охотились немцы на кур по всем дворам – всюду гремели винтовочные выстрелы.

У жителей немцы никакую еду, кроме яиц, не брали. Но «яйки» – подай! «Добрые» немцы иногда яйца меняли на какие-нибудь безделушки – вроде губной гармошки.

Отступая, наши войска двигались пешком, имущество везли на лошадях. Основное оружие – винтовка. За время двухлетней оккупации я не видел ни одного пешего немца. В крайнем случае – на велосипедах.

Пехотной немецкой роте на велосипедах придавалось несколько крытых брезентом конных фур, на резиновом ходу, запряжённых бельгийскими тяжеловозами – очевидно, для ротного имущества, запасных велосипедов и мастерских.

Экипировка личного состава немцев была выше всяких похвал. Уже в 40-е годы 20 века в Германии на высоком уровне была развита химическая промышленность. Обмундирование немецких войск было изготовлено из искусственной шерсти, а бельё – из искусственного трикотажа. Но обувь и амуниция – из высококачественной кожи.

Характерно, что китель, брюки, пилотка, шинель были изготовлены из одного типа сукна. Такая «обмундировка» явилась **НИКАКОЙ ЗАЩИТОЙ** в суровые русские зимы. А морозы были, как правило – 20, -30, и даже -40 градусов. Это ещё раз подтверждает, что «План Барбаросса» и не предполагал воевать зимой...

Зимой 1941—1942 гг. в деревне было обычное явление: идёт по улице в валенках женщина, немец сажает её на снег, снимает с неё валенки и одевает их на себя.

Отступление. О лаптях жителей.

Но валенки в нашей деревне была обувь «элитная», изготовленная местными умельцами. Основной и повседневной обувью у всех жителей были **ЛАПТИ**. Изготовление лаптей – процесс долгий и мучительный. В лесу из липовых хлыстов длиной 2,5—3 метра надирался **ЛЫКОВЫЙ ЛУБ**.

Заготовка лыка – целая эпопея.

В Брянском лесу липовых дубрав я не видел. Но липовых зарослей около 3 метров высоты было очень много. Эти заросли и использовали люди для заготовки лыка. Для других целей я не знаю, чтобы эти заросли использовались. В том числе и для посадок дубрав.

Проводились посадки более ценных пород деревьев – сосны и ели. Но тем не менее липовые заросли лесники оберегали. Вылавливали заготовщиков лыка. Отбирали ножи, которыми обрезались липовые хлысты.

Но если за порубку других пород деревьев виновники даже привлекались к суду, то за липовые дела судов не было. Полагаю, что липовые строгости лесников были придуманы самими лесниками для поднятия своего авторитета перед людьми. На основе этого «авторитета» лесники в лесу отбирали у людей топоры, пилы и даже ружья у охотников, не неся за это никакой ответственности.

Я знал многих лесников в разное время работавших на нашем участке леса. Так, одного из них, Фомченкова Ивана Евдокимовича, прозвали «фашистом». И что интересно – он с готовностью откликался на это нехорошее прозвище! Гордился своей «принципиальностью» в лесных делах, и тем, что его боялись жители окрестных деревень. Ведь без леса никто из местных жителей обойтись не мог.

Дома луб катался в рулончики, которые как баранки нанизывались на мочальную ленту, и сушились (что б потом не сгнили). Для изготовления лаптей лыковые «баранки» размачивались в воде, раскраивались на лыковые ленты, ширина которых зависела от необходимого размера лаптя. Большие лапти плетутся из шести полос – концов, маленькие детские – из пяти концов. По линейному размеру ноги делаются колодки – копыл. Копыл далёк от понятия обувной колодки, не отражает контур стопы ноги. Это потом компенсируется значительной прослойкой опучи. Для полного комплекта обуви, к лаптю необходима бечёвка – оборка, которая изготавливалась из волокна льна. На ногу с носком или без него наматывается опуча, от качества материала которой зависит комфортность ноги. Зимой от снега опучи промокают. А чтобы ноги были сухими, нужно было стащить у немцев плащ, который одевали мотоциклисты, разрезать его на лоскуты, которые наматывали поверх опучи.

У немцев же позже стали появляться соломенные боты. Но это была постовая обувь. Боты находились на посту, и их немцы-постовые одевали по – очереди.

Потом у немцев появились вязанные толстые наколенники типа футбольных гетр, только длинные, из искусственной шерсти. На уши офицеров одевались тёплые наушники, а у солдат на пилотку одевались матерчатые «кольца» с «макушки под бороду». Но всё равно мерзли они страшно.

Но за лето 1942 года Германия сумела изготовить своим войскам зимнюю одежду в большом количестве – очень продуманную и удобную. Широкие брюки на лямках, в которые солдат ЗАЛЕЗАЛ ПРЯМО В ШИНЕЛИ. Поверх брюк – куртка без воротника на шнурках у шеи и пояса. На голову – шлем с раскрывками внизу как у нашего сварщика. Раскрывки заправлялись под верхний шнурок куртки. Одна сторона одежды была серого цвета, другая – белого, для полевых условий. Обувь – войлочные бурки на кожаной подошве.

Позже я долго удивлялся, как можно было за такой короткий срок изготовить миллионы комплектов обмундирования, пока, уже будучи офицером, не побывал в Германии, в небольшом городке Бернау под Берлином. Оказывается, в Бернау была огромная фабрика по пошиву обмундирования для всего Вермахта.

Эта фабрика, как военный объект, была конфискована нашими оккупационными властями по плану демилитаризации фашистской Германии. Фабрика была настолько огромна, что там расположилась советская танковая дивизия.

Кстати, на окраине Бернау в сосновом бору, был конфискован ещё один «военный объект». Красивый большой дом в готическом стиле функционировал вначале под красными фонарями. А к концу войны в фашистской армии оказалась масса людей психически «тронутых». В здании был организован военный госпиталь. Он и был конфискован, как военный объект, и был приспособлен под Дом офицеров Советской Армии.

Но это было потом. А летом 1941 года фашисты двигались по Белоруссии, Брянщине и Смоленщине во всей красе. И местные силы сопротивления смотрели из кустов на эту мощь с трепетом. А в огромных массивах лесов скапливалось большое количество окруженцев.

Фашисты подошли уже к Москве. Фронт «уплотнялся», и советским подразделениям вырваться из окружения становилось всё труднее. Сеща оказалась ближайшей базой тяжёлых бомбардировщиков немцев для бомбёжки Москвы.

Кадровые военные из окруженцев оказались у руководства партизанскими отрядами. С конкретными задачами через линию фронта в леса стали забрасываться хорошо подготовленные для партизанских действий люди, оружие, боеприпасы, радиосредства и т. д.

Очевидно, одной из важнейших задач им ставилась задача парализовать работу аэродрома в Сеще, фашисты берегли его как зеницу ока, что со всей правдивостью и показано в кинофильме «Вызываем огонь на себя».

К лету 1942 года немцы вынуждены были в районе брянских лесов держать значительное количество войск. Они, чтобы уничтожить питательную среду партизан, выжгли все хутора и почти все сёла. На границе Брянской и Смоленской областей были сожжены так же такие населённые пункты, как Барковичи, Прища, Малаховка, Алексеевка, Тросна, Деньгубовка и многие др. Но оставили целыми крупные сёла для собственного базирования, такие как Корсики, Сукромля, Сергеевка и др. Зима – то суровая.

В сжигаемых населённых пунктах местных жителей или расстреливали, или угоняли. А на хуторе Лузганки более 50 человек загнали в колхозный сарай и сожгли заживо. На этом месте сейчас стоит обелиск в память погибшим.

Если в районе какого – нибудь населённого пункта был убит хоть один фашист, село сжигалось, и первые попавшиеся десять жителей превращались в заложников и расстреливались.

...Нагрянувший в село Сукромля карательный отряд застал в селе двоих партизан. В лес они уходили через усадьбу колхозницы Елены Бруевой – матери двоих девочек. Немцы заметили... Елену Ефимовну подвели к колодцу, расстреляли, и труп бросили в колодец.

Выход в лес из населённого пункта за определённую черту был запрещён. А как крестьянин мог существовать без леса? Там дрова, грибы, ягоды, лыко для лаптей и верёвок, веники для бани и пр.

Каждый застигнутый в лесу мужчина или подросток расстреливался на месте. Женщину приводили в комендатуру. Её оцепляли дети, староста доказывал, что это жительница села. Чаще прощали. Но давали 25—30 ударов шомполом, при детях.

Если узнавали, что кто – то из семьи в партизанском отряде, дом сжигали, а всю семью, включая детей, расстреливали. Такая участь постигла и семью моего учителя Ковалёва Александра Харитоновича. Перед войной он окончил 10 классов. В армию по молодости призван не был. Оказался в партизанском отряде. Родителей расстреляли. Дом сожгли. Маленькая сестра Нина играла с соседскими детьми. Её спрятали женщины. Осталась жива. Сейчас Нина – доктор физико – математических наук.

У села Сосновка стояла колхозная ветряная мельница, принадлежащая когда —то «кулаку». В селе во время оккупации появилась дочь этого «кулака». Очевидно, она донесла

немцам, что старик – мельник молот зерно партизанам, а его жена пекла им хлеб. Мельника с женой немцы повесили на крыле ветряной мельницы.

Сброшенные на помощь партизанам десантники парашютисты- москвичи поинтересовались, есть ли в селе предатели. Кто-то им указал на дочь бывшего хозяина мельницы (в селе поговаривали, что это сделал сын повешенной жены мельника Горбунов Василий Иванович. И хоть он сам был партизаном, сам расправляться с предательницей не стал).

Придя в дом вечером десантники застали за ужином дочь, зятя, и самую возможную предательницу. Все трое были расстреляны прямо за столом.

Из – за мужа – партизана, оказавшегося в окружении, была арестована моя тётя Горбунова Александра Захаровна. При аресте стали спрашивать где муж. Она ответила, что ушёл на фронт. Стали обыскивать, и в карманах мужского пиджака, в который она была одета, нашли записку, в которой было написано: «Горбунов, парабеллум передай Свиридскому». А Свиридкин был председателем райисполкома, который позже погиб в схватке с немцами у хутора Мостицкое.

Тётю увели. Все родственники вокруг села по кустам и оврагам искали её труп. Не нашли.

А через несколько дней к нам в дом вечером пришёл полицай Иван Седов. Он сказал, что тётя жива, и находится в тюрьме в городе Рославль. Он конвоировал с другими полицаями туда арестованных, видел её там, умудрился дать ей хлеба. Оказываясь в тюрьме, это он делал неоднократно. Что тоже учёл суд при его осуждении после войны.

Вообще в нашем большом селе в 300 домов было два полицая. Два Ивана. Седов и Фомченков. Оба 1926 года рождения, в начале войны не призывались по молодости. В оккупации нейтральным оказаться было невозможно. Уйти к партизанам – немцы расстреляют семью и сожгут дом. Пойти в полицию – расстреляют партизаны. Сидеть дома – выловят немцы и угонят в рабство в Германию. Иваны из трёх зол выбрали меньшее (по их мнению) и пошли в полицию.

Но вели себя по – разному. Фомченков быстро вошёл в роль помощника фашистов. Если он, бывало, идёт по одной стороне улицы, мы, пацаны перебежали на другую сторону, так как при встрече он обязательно даст подзатыльник. Просто так, для своего удовольствия и возвышения.

Седов же со своей винтовкой приходил на Хомяково болото у деревни. Подростки приносили ящик патронов, уворованный у власовцев, и пол дня палили из его винтовки. Начальник полиции сажал пропадавшего Ивана Седова под арест в деревенскую баню, а подростки через окошечко носили ему скудную еду, а иногда и самогонку. Самогонку одна женщина гнала. Она сильно нас ругала.

За время оккупации народ сильно обносился. Одежда обтрепалась. Холсты, которые раньше ткали женщины, ткать было не из чего, так как лён не сеялся, пахать было нечем и не на чем. Весь скот немцами был угнан.

...За самогонку у власовцев обменивали обмундирование, одеяла, палатки – всё, мз чего можно было пошить детям одежду. Немцы крамолу усекли. Комендант издал приказ: «Самогонку не гнать». За несоблюдение приказа – расстрел. А приказы немцы всегда исполняли чётко. В результате, за самогонование пять женщин в селе были расстреляны.

А тётя Александра случайно осталась жива. Рославль – крупный узел железных и шоссейных дорог. Немцы обороняли его до последней возможности. Постоянно укрепляли.

О военной обстановке в районе Рославля осенью 1941 года я случайно узнал от участницы тех событий, ветерана Великой Отечественной войны Софьи Владимировны Афанасьевой при невесёлых обстоятельствах, много лет спустя.

В 90-е годы 20-го столетия, когда наша страна была на пике разрухи, в магазине военторга военного городка Трудовая в очереди за продуктами произошла словесная перепалка. Молодая женщина возмущалась – почему участникам Великой Отечественной войны всё вне очереди, война же давно прошла! Присутствовавшая при этом Софья Владимировна молодой особе сказала:

– Что такое бомбёжки, артобстрелы, окопы, свист пуль, грязь и копать ты, наверное, не поймёшь. А скажи, ты снегом подмывалась?

Молодая:

– Шутите. С какого пятерика (с какой стати – прим. ред.)

Софья Владимировна:

Афанасьева Софья Владимировна

– А ты попробуй, как это не раз я делала на войне. Поймёшь многое. В том числе и то, почему нам продукты вне очереди.

...Софье Владимировне давно уже за 90. Перед войной, будучи замужем за военным, они с мужем находились в Прибалтике. В первые дни войны муж Софьи Владимировны погиб и она ПЕШКОМ пришла в родной город Вязники Владимирской области. Будучи медсестрой, Софья Владимировна обратилась в военкомат и была призвана в действующую армию. К моменту описываемых событий госпиталь, где служила Софья Владимировна находился в посёлке Кириллы западном пригороде Рославля.

Мы подружились с Софьей Владимировной и много времени провели в беседах о войне, моей малой Родине Рославле и вообще о жизни и о людях.

В сентябре 1943 года на совершенствование укреплений выгоняли заключённых из тюрьмы. С работ колонну заключённых конвоировали по обочине дороги.

Немцы уже спешно отступали. По шоссе машины двигались сплошным потоком. Погода сухая. Пыль, смрад. Едущим на машинах было плевать, кого там конвоируют фельджандармы. Тётя с женой нашего участкового милиционера Петра Сидоровича Жукова умудрились проскочить между машинами на другую сторону шоссе. Оказались в чистом поле. Залегли в какой-то промоине. Пролежали до ночи, а ночью ушли. Немцы и полицаи колонну заключённых загнали в тюрьму, а тюрьму ПОДОРВАЛИ...

Вот так две наши женщины остались живыми.

Но довоенный участковый милиционер Жуков был в районе человек известный. И его семью многие прихвостни полицаев хорошо знали. Поэтому его сына – подростка Виктора вслед за матерью арестовали и расстреляли.

... Судьба же наших полицаев оказалась разной. Иван Фомченков был осуждён на 25 лет и пропал. Очевидно, погиб или умер в лагере. Иван же Седов был оправдан, призван в действующую армию. Был тяжело ранен. Комиссован. Дожил свои дни в Москве у родственников.

...

По итогам Великой Отечественной войны ещё один мой земляк оттрубил 10 лет лагерей.

Сын нашего сельского кузнеца Степана Максимовича Макаренкова Дмитрий (1915? -1919? года рождения) перед войной в селе не жил. В нашем селе он появился в пятидесятых годах. Один, без семьи. Женился на нашей учительнице немецкого языка Анне Андреевне Иваничкиной. Она была 1921 года рождения, появилась в селе в 1943 году после освобождения Смоленщины от фашистов, стала работать в нашей школе и жила у нас с матерью на квартире. В нашем доме она жила около 15 лет. Последние годы, выйдя замуж, жила у нас вместе с мужем и была как член нашей семьи.

Дмитрий Степанович построил свой дом. С Анной Андреевной они родили двух дочерей. А когда я, уже будучи офицером, приезжал с семьёй в отпуск на малую Родину, они всегда нас приглашали в гости.

Работал Дмитрий Степанович механиком на молокозаводе. У него были «золотые руки». Например, своими руками он сделал гармонь, на которой неплохо играл. Как-то в очередной раз, будучи в гостях у Макаренковых, я спросил у Дмитрия Степановича:

– Как жизнь?

Ответ:

– Отлично. У меня большая радость. Я в этом году после войны первый раз голосовал!

Оказывается, после 10 лет лагерей у него было ещё и ограничение в правах. В селе выборы всегда были большим праздником хотя бы потому, что в день выборов на избирательном участке был буфет, товары в который райпотребсоюз припасал и берёг задолго до выборов.

Я знал, как к выборам относились в городах некоторые наши «патриоты». Мол-опять выборы. Заколебали уже. Это когда ты имеешь право голосовать и не ценишь этого. А вот Дмитрий Степанович ценил.

Поскольку разговор пошёл на эту тему, извинившись за любопытство, я спросил у него, за что он сидел 10 лет. Дмитрий Степанович ответил:

– Врать не хочу, а сказать правду – не всякий поверит. Дело было осенью 1941 года. В воздухе господствовала немецкая авиация. На наши передовые позиции налетели «юнкерсы». Безнаказанно смешали всё и всех с землёй. После бомбёжки над позициями появился наш «кукурузник». Я матюгнулся и посетовал – где же наши сталинские соколы? Фанерным самолётом немцев не победишь. Минут через 30 меня за воротник вытащили из траншеи. Отвели в тыловой лес на километр. Там на пеньках сидят три чекиста – «особое совещание». Перед ними по стойке «смирно» я стоял недолго. В результате приговор – за разложение войск в боевой обстановке – 10 лет лагерей. И вот только в этом году я полностью искупил свою вину.

Жаль, что после всех жизненных перепитий Дмитрий Степанович разбился на мотоцикле.

...

Не знаю, насколько правдивая исповедь Дмитрия Степановича. Тем более, что наши современные либералы чекистов периода Отечественной войны отождествляют с гестапо. Заверяют нашего обывателя, что каждый, кто попадал к немцам в плен, после освобождения обязательно направлялся в ГУЛАГ. Наглая ложь! Я знаю своих односельчан, освобождённых из плена после разгрома Германии.

Это Родионов Евдоким Семёнович, Трушилин Аким Васильевич, Казаков Михаил Дормидонтович, Лобанов Максим Корнеевич.

Каждый из них спокійно «почил в Бозе» на своей печке.

А чекисты своё дело знали. Сажали «достойных». Не без перегибов, впрочем...

Глава 2

Партизаны в Брянских лесах стали действенной силой в тылу у немцев. Неудачи немцев на фронтах не позволяли в борьбе с ними использовать части Вермахта. Использовались власовцы – части, укомплектованные нашими соотечественниками.

Власовцами становились люди по разным причинам. Были явные враги Советской власти, бывшие уголовники. Были слабовольные люди, старавшиеся вырваться из лагерей для военнопленных. Были военнопленные, сознательно становившиеся власовцами с целью найти момент и уйти к своим. Примеров этому было много. Уходили к партизанам целыми подразделениями.

Но тем не менее леса прчёсывались капитально. Партизаны испытывали огромные трудности. Отряды разрослись. Сформировались целые партизанские бригады. Бригады в лесах были отягощены семьями, бежавшими от расстрела.

Спасало доскональное знание местности. В каждой бригаде были местные жители. Для немцев болото, обозначенное на карте как непроходимое, непроходимым и было. Но не для местных партизан, выросших здесь.

Тяжелее всего было с ранеными. Мой сосед Иван Родионович Папсуев в блокаду был ранен в мякоть голени левой ноги. Сначала шёл по болотам сам. Затем наш сельчанин Сычёв Василий Иванович занёс его в болото под куст на какой – то старый пенёк – островок, где он пробыл ОДИН БОЛЬШЕ НЕДЕЛИ. Оказавшись через неделю в этом месте, Василий отпросился у комиссара отряда похоронить Ивана. Но Иван был жив. Василий размотал тряпье на ноге Ивана, очистил сучком дерева червей из раны. Взялся за ступню. Ступня отвалилась. Василий снял с себя грязную рубаху, обмотал ногу Ивана и унёс его за 5 километров в отряд. Заражения не получилось – очевидно помогли черви.

А после блокады Ивана Родионовича поднесли к первому севшему на партизанском аэродроме самолёту. Прилетевший в отряд доктор прямо у самолёта плотницкой пилой отрезал кость ноги.

В московском госпитале Ивану Родионовичу трижды резали ногу. Врачи пытались оставить больше культи под протез. Но осталось 8—10 см левой ноги.

В 50-х годах по закону если культя ноги меньше 8 см, то была положена мотоколяска, так как протез носить нельзя. Если культя 10 см, мотоколяска не положена – протез носить можно. Но беда была в том, что медицинская комиссия была ежегодной. В один год медики при замере культи приходят к выводу, что культя – 8 см. Собес начинает оформлять документы на мотоколяску. Волокита страшная. До очередной медкомиссии мотоколяску получить Иван Родионович не успевает. А на очередной «перекомиссии» медики пишут, что культя 10 см – и мотоколяска не положена!

А семью Ивана Родионовича – мать, жену, сына и сестру немцы арестовали и расстреляли. Но дом не сожгли. Устроили в нём баню. «Повезло». Иван Родионович вернулся домой в 1944 году без ноги – семьи нет, одежда «что на коже», харчи «что в животе», в доме – баня. Выдержал. Женился, породил и воспитал двух дочерей, умер в старости в Москве.

Долгое время Иван Родионович работал в колхозе кладовщиком. В кладовой – то кроме зерна ничего и не было. Предполагаю, что правление колхоза точно не знало, сколько в кладовой было зерна. Это никому, кто стоял «у руля» было не выгодно. Самогонку —то тогда на Смоленщине гнали из зерна. У Ивана Родионовича был друг юности Лобанов Сергей Емельянович – классный самогонщик.

Механика была проста – Иван давал Сергею накладную, по которой трактористы уже получили зерно. Сергей запрягал лошадь, ехал в лес за дровами, заезжал в кладовую и требовал у Ивана выдать зерно по данной Иваном накладной, потому как в кладовой всегда были люди. Иван ворчит, что правление не думает, чем сеять весной, всё вытаскивают и выписывают зерно..

Но мешок насыпает.

Сергей завозит мешок с зерном на мельницу. Просит смолоть покрупней и побыстрей. А раз на самогонку – то без очереди. Возвращаясь из леса с дровами, Сергей забирает размоленное зерно, и заваривает дома брагу. А дальше – дело техники.

Но однажды под Троицу приизошёл казус.

В вишнях за сараем Сергей составил самогонный аппарат. Разлил брагу из бочёнка в вёдра и выварки, чтобы нести к аппарату. Но в селе появился участковый милиционер. Дело могло плохо закончиться, не начавшись. Целый день Сергей не мог приступить к волшебству самогонования. Процесс начался к вечеру после убийства участкового. Получив первые полстакана самогону, Сергей решил провести дегустацию. Но через 5 минут сиганул в лопухи. Понесло со свистом во все «щели и дырки». Жена Екатерина Сергеевна обеспокоилась, что случилось с мужем- не заболел ли?

А Сергей тем временем выгнал всю самогонку – и не пьян! А на следующий день – Троица... По улице шествуют Иван Родионович и Михаил Купреев по прозвищу Михва, так как рост у него был за два метра. Михва человек не посторонний – счетовод. Сводит концы с концами с зерном.

В открытое окно Сергей приглашает:

– Заходи!

– Готово?

– Да, готово!

Чинно расселись за столом. Сергей наливает всем по стандарту – по гранёному стакану. Гости выпили. Сергей медлит.

Иван кричит:

– Сергей, подай костыль! – и во двор, за сарай.

За ним – Михва.

...Когда сели за стол снова, провели консилиум специалистов. Пришли к выводу, что произошло окисление цинка из вёдер, так как в них долго стояла брага. Для дезинфекции желудков Сергей принёс от соседа Максима Корнеевича Лобанова графин классной самогонки. Но тут заметили – по улице идёт колхозный конюх Горбунов Семён Николаевич по прозвищу Симагуж, годов около шестидесяти, участник войны, с негнущейся ногой.

Пригласили Симагужа. Налили ему алюминиевую солдатскую кружку самогонки. Он выпил, закусил холодцом, и говорит:

– Если бы вы ещё одну мне налили, я бы и лошадей пошёл убирать. Так Самогуж и попил всю дефектную самогонку.

Глава 3

Среди немцев – оккупантов тоже были люди разные. Некоторые угощали детей конфетами, давали хлеб, а он у них был чёрствый, в целлофане (Иногда давали выпечки годичной давности). Но нам казался очень вкусным.

Иногда солдаты предупреждали население о предстоящих акциях. Подростки активно помогали немцам в быту. Но с выгодой для себя. Немцы не допускали мысли, что у них кто – то, что – то может украсть. Пацаны особенно охотились за зажигалками, таскали конфеты – они у немцев входили в паёк.

Мой двоюродный брат Дмитрий Никонов с приятелями подрядились «помогать» в мастерской стрелкового вооружения. Стащили две винтовки. А первым приказом пришедших немцев был приказ «населению сдать любое огнестрельное оружие и радиоприёмники». За неисполнение – расстрел. Недостатка в патронах у пацанов не было.

В селе днём не было минуты без выстрела. В одном месте немцы организовали стрельбище. Стреляют. В другом месте – перепились самогоном власовцы. Стреляют.

Дмитрий с приятелями организовали в колхозном сарае своё стрельбище из украденных винтовок. Сарай стоял на поле на отшибе от села напротив дома нашего с Дмитрием дяди Никанора Захаровича. Дядя, бежавший из плена, находился дома. Услышав выстрелы из сарая, дядя Никанор не без основания предположил, что один из стрелков сарая – его племянник Витя. Рискнул. Взял здоровый дрын и пошёл к сараю. При подходе через стену услышал спор – кто стреляет лучше. Открыл ворота сарая и обнаружил четверых стрелков.

Племянник здесь.

Стрелкам дядя сказал, что лучше всех дрыном стреляет он:

– Подходи по – очереди!

Не подходят.

А ворота в сарае большие. Сделали для проезда воза со стопами или сеном. Ловить стрелков в сарае – всем дыры не достанется. Тогда дядя потребовал, чтобы шёл первым племянник, так как ему всё равно достанется. Дмитрий подошёл. Но один из четверых дыры миновал.

Немецкие карабины были сразу спрятаны, и потом переданы партизанам.

Мы, пацаны, чётко понимали, что за наличие огнестрельного оружия – расстрел. Безусловный. Но по наличию патронов и других взрывчатых веществ у нас было соревнование – у кого их больше. В их применении мы достигли большого совершенства. Володя Писарев (Кузьмич) заметил, что с их изгороди пропадают жерди. Он был убеждён, что жерди таскает на дрова Терентьевна – беженка из Рославля.

В тонком конце жерди я просверлил дырку и вставил в неё патрон из крупнокалиберного немецкого пулемёта типа нашего ДШК. На следующее утро жерди на месте не оказались. У пробежавшей дочери Терентьевны спросил:

– Что у них в доме взорвалось?

Та ответила, что никто в доме не знает, что взорвалось, но чугунки из печи вылетели. Володя сказал Гале, чтобы передала матери, что **ВСЕ ЖЕРДИ НА ИХ ИЗГОРОДИ СТРЕЛЯЮТ.**

В период отступления немцы бросили большое количество миномётных мин калибра 80 – 100 мм. Головки с мин мы откручивали, и успешно использовали детонаторы от взрывателей. Но нам этого показалось мало. Развели большой костёр, заложили несколько мин. Одна взорвалась, а остальные мины выбросило из костра. Тогда мы развели огромный костёр в стрелковом окопе у большака, заложили 6 мин. Зажгли. Ждём. По нашим расчётам пора минам взрываться. А тут по большаку идут женщины. Человек пять. По – женски громко разговаривают, в лесу слышно далеко. Что делать? Если кричать чтобы не шли – матери устроят большую порку. Не кричать – погибнут женщины. Мы грамотные. Учитываем, что мины в яме, и осколки пойдут вверх. Но каково расстояние безопасности? Решили, что если мины не взорвутся, пока женщины не дойдут до кривой сосны, то будем им кричать.

Женщины не дошли до сосны десять метров. Мины взорвались все.

Время было кошмарное. Из сожжённых вокруг Сеши деревень уцелевшие жители сбегались в уцелевшие от огня сёла. В каждой хате жили по две – три семьи. Прибежавшие в село были в «чём стоят», без одежды и еды. Потребляли то, что было у хозяйки дома. Никто ничего не считал. Ночью в дверь стучат партизаны. Днём по селу ходят немцы. А кто стучит рано утром или вечером – женщина не знает. Дрожит с детьми.

Сразу не открывает. Наконец дверь отпёрта. Спрашивают:

– Как, партизанам – открываешь сразу? – ясно, полицаи.

В другой раз открывает сразу. Опять вопрос:

– Что, думала партизаны?

Попробуй правильно определить...

Партизаны – лесовики к немцам попадались редко. Смелые и находчивые люди находили выход практически из любого положения. После войны моя тётя Александра Захаровна (та, что сбежала из Рославльской тюрьмы), с мужем – партизаном Горбуновым Василием Ивановичем и двумя детьми жили в нашем доме. Их дом был разграблен. Я – ученик 6 или 7 класса. Читал вечером газету, где была статья про Валерия Брумеля. Дядя Василий спросил:

– Кто такой Брумель?

Я объяснил, что это знаменитый прыгун в высоту.

Дядя говорит:

– Ему до меня далеко. Вот я один раз прыгнул – если бы кто измерил! И начал рассказывать – зимой 1941 – 42 г. в селе было много мужчин, бежавших из плена, местных, и осевших в селе (иногородних). Время тревожное, собирались группами, обсуждали ситуацию. Собра-

лись шестеро мужчин днём у Афонаса Писарева. Благо у него была самогонка. Среди мужчин был и пришедший из партизанского отряда дядя Василий. Глянул в окно, а во двор уже заходят два немца, прочёсывающих село. Бежать некуда. Среди мужчин был Василенков Афонас, семья которого была в Донбассе, а он из плена бежал на Родину. Переодеться не успел. Был в шинели. Войдя в дом, немцы сразу начали обыск с Афонаса Василенкова.

А у дяди в наружном кармане пиджака лежал пистолет. Решил – если фашисты направятся к нему, стрелять через пиджак. Но немцы увлеклись обыском Василенкова.

Дядя сидел на скамье у стола. За столом обедала семья хозяина. Рядом с дядей оказалась старшая дочь хозяина. Дядя вытащил пистолет из кармана, и под столом сунул его старшей дочери. Та не берёт. Боится. Но сообразила, что если обнаружат оружие в доме, всю семью расстреляют.

На ней повязан фартук. Всё —таки взяла пистолет, руки с ним под фартук, бочком вышла в сени. Пистолет сунула в ящик с мукой.

От оружия дядя избавился. Но надо бежать. Соберут всех задержанных в селе в общую камеру, а там полицейские из райцентра. Опознают. Дядя ведь до войны был председателем сельсовета.

Обыскав всех, немцы ничего подозрительного не нашли. Стали выводить мужчин из дома. Один немец пошёл впереди, второй сзади всех подталкивает автоматом. Дядя затесался в середину группы. В сенях две двери. Одна – слева, через которую постоянно ходили. Вторая – справа, в огород и овражку, к колодцу.

Выйдя в сени, дядя резко сиганул в правую дверь. Разогнался по тропке к колодцу и совершил НЕИМОВЕРНЫЙ ПРЫЖОК в крутой овраг, забитый снегом. По склону оврага под снегом проскользил до дна оврага. Снаружи – обвала снега не видно никакого! Выведя на улицу мужчин, немцы не обнаружили даже следов беглеца. Перевернули всё подворье, но человека не нашли.

Под снегом дядя пролежал до темноты, боясь пошевелиться. Ведь сколько над ним снега было – неизвестно.

Выбравшись из оврага, дядя пробрался в накануне вытопленную баню. Лёг на каменку. Камни оказались достаточно тёплыми. Так и отогрелся. Так и уцелел. Но ноги в сапогах приморозил.

После освобождения Смоленщины в сентябре 1943 года партизаны вышли из леса. Кто остался живой из довоенной администрации, заняли свои места. Мужчины нестарого возраста были переброшены на пополнение Красной (затем Советской) Армии.

А зрелые местные коммунисты возместили отсутствующих работников администрации. Дядя Василий Горбунов был поставлен инструктором РК КПСС (райкома партии), имея 2 (два) класса образования.

После войны по прибытии с фронта грамотных фронтовиков, дядя Василий был председателем колхоза, затем бригадиром, потом простым колхозником. Но смириться с этим он не мог. Зная партийно – советскую кухню, сильно мешал местным властям. Нейтрализован был элементарно просто. Гнал самогонку. Был прихвачен милицией. Исключён из партии. Осуждён на один год. Будучи всё время расконвоированным, на зоне отбыл полностью один год. В день освобождения из зоны во время дождя встал под крышу сарая и... был убит молнией.

Глава 4

Кошмар оккупации для нашего села Сукромля³, Ершичского района, Смоленской области окончился 23 сентября 1943 года. Всю ночь через село двигались отступающие фашистские войска. Жители ожидали, что село будет сожжено, люди убиты.

Все сидели по погребам и землянкам, вырытым в склонах оврагов. В то время постоянного страха за жизнь семьи не уединялись. Наоборот, объединялись в небольшие группы. По несколько семей сидели и в погребах, и в землянках. Очевидно, проявлялась истина, что «на миру и смерть красна».

Ранним туманным утром раздалось несколько взрывов снарядов. Метрах в пяти от меня на деревенской улице упал осколок снаряда – длинный (сантиметров 15), и узкий (сантиметров 5). Осколок упал плашмя и даже не врезался в землю.

Из-за мальчишеского любопытства я схватил его руками и сильно обжёгся. Осколок оказался горячим.

По улице проскакали три советских кавалериста в развевающихся плащпалатках – разведка. Через несколько часов пошли наши войска. Описать встречу жителей с нашими войсками НЕВОЗМОЖНО!

В деревне началось восстановление всего и вся. Сегодня, в зрелом возрасте, я удивляюсь, как многое восстанавливалось ни на чём, ни из чего... Например, в октябре месяце я уже ходил в школу, в первый класс. Появился директор школы Фёдор Егорович Терещенко (в армию он не призывался – был очень близорук). Школы, как таковой, в нормальном понимании этого

³ Сукромля – деревня в Смоленской области России, в Ершичском районе. Расположена в южной части области в 14 км к юго-востоку от Ершичей, и в 2 км от границы с Брянской областью. Население – 232 жителя (2007 год). Административный центр Сукромлянского сельского поселения. В центре деревни находится кладбище. Изначально на нем находились старые могилы, могилы ветеранов. Сейчас там так же хоронят местных жителей. По мимо этого кладбища есть другое, находящееся относительно рядом от деревни. В Сукромле существует школа и несколько дет. площадок, проложен асфальт.

слова, не было. Занимались дети по хатам. Хаты подбирались небольшие и в которых семьи поменьше, преимущественно старики. Не знаю, платили — ли старикам за такое «квартиранство», но главная плата им была — ДРОВА. Привезти их из леса старикам было не на чем и некому — кого из их семьи убили, кто был на фронте.

Школьные парты пожгли немцы. Они летом и осенью 1941 года жили в школе. К 1943 году более или менее целое здание осталось старой ещё земской школы. Но и в нём не было полов и печей. Их сняли жители из соседних сожжённых немцами деревень и приспособили в землянках на месте пожарищ.

«Парты» нам сделали из досок деды. На ножки — крестовики были положены две строганных доски метра по 3—4 длиной, и за ними сидели по 4—5 школяров.

Классные доски тоже сделали деды. Но они были не окрашены. Да в этом и не было необходимости. На белой доске было лучше видно то, что учительница писала древесным углём — мела не было. Не было тетрадей. Писали на газетах. Мне попалась книга «Вопросы ленинизма» И. В. Сталина с большими пробелами между строк. Листы с этой книги на контрольные работы я давал лучшим друзьям.

Чем писать — дело обстояло ещё хуже. Производство перьев для письма освоил наш «Кулибин» Алексей Василенков. Перья он делал из полоски дюраля, которая по технологии была в НЕМЕЦКОЙ КАСКЕ. Вопрос был решён! А чернил — то нет! И сделать их было не из чего. Делали из сажи, но наша писанина стиралась с бумаги — пока учительница несла до своего дома для проверки... Сенсацию произвёл Василий Казаков. Домашнее задание он написал заячьей кровью из зайца, которого он поймал петлём в лесу. Обрадовались, и кто мог стали писать кровью. Видно было плохо, бледно. А через три дня наши бумажки, на которых писалось кровью, так протухли, что учительница нам категорически запретила писать такими «чернилами».

Учебников не было никаких. Всё, как говорил герой актёра Леонов в фильме «Большая перемена», записывалось на «корочку». Первый учебник к нам пришёл, когда я был уже в 4 классе. Это был учебник «Неживая природа». Их было два — один у учительницы, второй — у меня, так как я жил в центре села, и ходить читать учебник моим соклассникам было удобно.

За лето 1944 года старики отремонтировали полуразрушенные школьные здания и сложили печи. Печи появились, а дров — то нет! Зимой 1944 — 45 года мы шли в школу и каждый нёс с собой два полена дров. Учительница вела урок, а дежурный сидел у топки и топил печку. Накануне её нечем и некому было топить. И вообще за 10 лет учёбы в школе в 1943 — 1953 годах я ни разу зимой не сидел за партой без верхней одежды.

Позже дрова для школы мы — ученики заготавливали сами. Мужчины были на войне. В селе появились только безрукие и безногие земляки — фронтовики. Ученики 5—7 классов считались старшеклассниками. Из — за оккупации мы — то и были старше обычных, «мирных», школьников на два года. Зато младшие классы исправно носили из леса по 2 — 3 штакетины на школьный двор.

А вот весенние каникулы в иные годы у нас бывали по два раза. Они объявлялись в самую распутицу, так как многим ученикам из соседних к школе деревень и хуторов нужно было ходить через лога и овраги, по которым бушевала осенняя вода. Но вдруг возвращались морозы. Всё опять замерзало. Время каникул проходило, и вдруг снова становилось тепло, опять бушевала вода и в школу пройти было нельзя. Вторые каникулы получались сами собой!

Экзотично были одеты школьники. Все поголовно — в лаптях, в домотканой ряднине. И счастлива была та девочка, у которой появилась юбка из пятнисой немецкой плащ-палатки...

Глава 5

Всё постепенно, с каждым годом улучшалось. Но долгие годы невероятный труд был у наших матерей. Война страшная, тяжёлая, кровавая работа. Но страшный, лошадиный, титанический труд наших матерей, по – моему, недооценён.

В 1943 году после нашего освобождения от оккупации возродился колхоз. Возродился ни на чём. Благополучие колхоза долгие годы в отсутствие техники зависело от животного тягла.

А в нашем селе численностью около 300 домов после освобождения от оккупации остался один кобель по кличке Барбос в семье Лобановых. Барбос был древний, мне ровесник. Страшно не любил тех, что едет на мотоцикле или велосипеде. У оккупантов этот вид транспорта был очень распространён. Барбос из лопухов из – за кювета бросался на проезжающих, хватал за ногу, стаскивал на землю и пулей бросался под амбар. Немец не успевал применить оружие.

Два раза партизан Барбос был всё же ранен, но своё правое занятие не бросал.

Кроме Барбоса, в семье были ещё кошки. Но на таком «тягле» поле не вспашешь... Поэтому наши матери и мы-пацаны землю пахали на себе. Плуг можно было тянуть не менее, чем 8 (восьми) человекам, а борону – 3 (три).

Колхозное поле почему – то запрещалось пахать на себе плугом. Наряд женщинам бригадиром давался копать лопатой колхозное поле. Но это было труднее и медленнее, чем плугом. Поэтому женщины прятали плуг в кусты, а когда бригадир уходил, плуг извлекали из кустов, и колхозное поле пахали плугом на себе.

Кроме колхозного поля были свои приусадебные участки, которыми жили. Их обязательно нужно было вспахать. Из колхоза ничего не получали. В колхозе ничего не было.

Если плуг тащили 8 женщин, значит нужно было вспахать 8 приусадебных участков по – очереди. Свои участки пахали до и после работы в колхозе. Утром и вечером.

Пахали колхозное поле не каждый день. На следующий день отдыхали. «Отдых» заключался в том, что нужно было с мешком в лаптях по грязи идти на ближайшую железнодорожную станцию Пригорье в 25 километрах от села и оттуда нести пуд (16 кг) семян ржи для посева. И так – всю весну.

С конца лета и осенью женщины серпом жали зерновые, лопатами выкапывали картошку. В это тяжёлое время года много обязанностей лежало на детях. Я должен был прополоть огород, полить грядки принесённой из речки водой, собирать щавель для щей. Но самое трудное было добыть дрова для топки печи – к этому времени дрова, привезённые матерью из леса зимой матерью на санках, уже кончались...

Легче было мальчикам. Мы, мальчики 10—12 лет от роду, уже были в состоянии смастерить какую –нибудь тачку. Но из чего сделать? Нет колеса... Я однажды на зависть сверстникам смастерил тачку, приспособив вместо колеса немецкую телефонную катушку!

...Девочки же носили топливо на плечах.

Иногда мы, пацаны, «отдыхали». С тачками в лес не ходили, а залезали на деревья в деревне и срубали с деревьев сухие сучья- где они были. Сырые сучья рубить не могли – получишь «ботога» от деда Макара.

Основная масса топлива заготавливалась зимой. Зимой работы в колхозе было значительно меньше, и наши матери старались использовать это время для заготовки дров на лето.

Я шёл в школу. Мать, истопив печь, брала санки, топор, который я исправно точил, и следовала в лес за дровами. Санки загружала больше своих физических возможностей, будучи уверенной в том, что я, после уроков в школе, прямо со школьной холщёвой сумкой, встречу её как можно глубже в лесу. Зимой эта «лошадиная» работа была днём. А вечером и ночью при копилке мать пряла из льна пряжу и ткала холсты. Шить одежду ведь было не из чего...

...Постепенно всё понемногу улучшалось. В селе начал появляться скот.

Глава 6

Ещё в 1941 году, завершив охоту на кур, уток и гусей, немцы приступили к уничтожению мелкого скота.

Жители стали забивать мелкий скот сами. Но сберечь мясо было нельзя. Не было соли. Отсутствие соли было бичом населения оккупированных территорий всё время оккупации. Коров резать жалели. И оккупанты всех коров угнали из села в райцентр Ершичи.

Среди коров всегда есть очень «грамотные» особы – заводилы стада. Позже, когда я уже был подростком и пас коров в очередь, была задача дисциплинировать таких коровьих заводил.

Коровы чётко понимают, кто их пасёт. Женщины распускают дисциплину в стаде. Поэтому, когда наступает твоя очередь пасти коров, в стаде нужно восстановить дисциплину. Коровьего лидера следует загнать в топку, и хорошо отходить кнутом. И в стаде будет твёрдая дисциплина.

Вот такие коровьи лидеры из угнанного немцами стада ночью привели несколько коров назад домой за 12 километров. Хорошие коровы из угнанного стада оказались в хозяйствах полицейских и других прислужников немцев. После освобождения нас в сентябре 1943 года некоторые жители села обнаружили своих коров у новых хозяев, которые, как правило, безропотно возвращали их истинным хозяевам.

Так из этих единиц коров у селян стал появляться крупнорогатый скот. Женщинам стало легче. Колхозное поле уже не копали лопатами, а пахали и бороновали в том числе и на своих коровах.

Появилась корова и у нас с матерью. Однажды вместо матери я – подросток пошёл бороновать колхозное поле на своей корове. Наступила жара. Я задержался на поле. Корову жалят оводы. Она бьёт копытами. Я босый. Корова – животное парнокопытное, и концы копыт острые как нож. Я зазевался, и корова смаху острым копытом в пахоте ударила мне по ступне сверху. Разворотила мне всю ступню и основательно забила рану землёй. Рану я промыл своей мочой, но забинтовать было нечем. Так и пришёл домой с голой раной. Что удивительно — на ноге даже малого нарыва не появилось!

...В 1945 году для колхоза пригнали чёрно – белых пятнистых коров из Германии, которые все без исключения передохли от бескормицы и российских стойловых условий.

Тогда колхоз получил коров и лошадей из Монголии. Эти выжили ВСЕ. Зимой их выпускали из загонов. Они копытами разрывали снег и ели прошлогоднюю траву.

Но с монгольскими лошадьми были трудности. То, что они были низкорослыми и мало-сильными – не беда. А вот не все привыкали к упряжи. Некоторых запрягали в телегу или сани, упревая оглобли в стену.

Был один маленький, почти игрушечный вороной конёк. Лохматый, грива почти до земли. Его почти не запрягали. Был очень маленький. Постоянно находился в стаде с коровами или лошадьми. На нём постоянно гарцевали пацаны – конюшата. Конёк был настолько «грамотный», что без уздечки сам заворачивал недисциплинированных коров и лошадей.

Однажды я заготовил сено в болоте Талое в Брянском лесу. Мне нужно было сметать сено в стожок. Чтобы снести конёшки в кучу, я поймал эту маленькую лошадку, нашёл самый маленький хомут на конюшне, и поехал в лес.

Год был сухой, а тот день – жаркий. Болото всё высохло. Воды нет. Однако лесные умельцы в низинке выкопали яму и достали воды. Вода стояла в яме сантиметрах 50—60 от поверхности земли. Я подошёл к крынице попить. Конь за мной. Я фуражкой зацепил воду, попил. Конь стал на колени передних ног. Попытался попить. Не получается. Для него слишком глубоко — мал. У меня на ногах были литые шахтёрские калоши. Надо было видеть, как благодарно конь смотрел мне в лицо, когда я напоил его из калоши...

От немногих коров появились бычки. Их сделали волами. Это тягло было весьма своеобразным. У вола «передача» была одна. Скорость движения не менялась. С воловым возом были и свои преимущества. Едешь медленно, но верно. С любым возом в грязи не застрянешь.

Однажды, будучи уже подростком, я поехал на волу в лес за дровами. Чтобы подвезти дрова к своему двору, нужно было проехать около «воловки» («квартиры» моего вола). Поровнявшись с воловкой, вол встал – и ни шагу вперёд! Возобновить движение я пытался около часа. Бесполезно... Наконец меня осенило. Дело было летом. Я снял с себя рубашку, завязал ею волу глаза, описал телегой круг, и поехал в нужном направлении.

А ребята повзрослее возили зерно на хлебосдачу государству. Пункт сдачи – станция Пригорье – 25 километров от села. В упряжке – лошади, а у Шурки Надвикова – вол. Когда ехали с грузом, Шурка лежал на возу и посмеивался. Не слезал с воза даже при движении в гору. При движении обратно домой ситуация изменилась. Дело было в субботу. В деревне вечером – танцы. Те, кто был на лошадях, хлестнули коней и укатали. Ко двору лошади всегда бегут резво. У Шурки же скорость не меняется. Все попытки ускорить ход телеги были безуспешными.

Но Шурка обратил внимание на то, что при попадании возжи под хвост вола, вол прижимает возжу к телу. Прикуривая сигарку, свёрнутую из самосада, Шурка взял клоч сена, поджёг его и сунул вола под хвост. Вол инстинктивно прижал горящий клоч сена к телу, и рванул с места в галоп.

ОБОГНАВ РЕБЯТ, ЕХАВШИХ НА ЛОШАДЯХ, Шурка на вечерке оказался раньше их!

Клуба же в селе не было. Молодёжь собиралась по хатам, уговорив для этого мероприятия какую –нибудь одинокую женщину.

Обязательным условием при этом было, чтобы на следующий день пришли девчата и «с голиком» вымыли хату.

Музыкой же молодёжь потешал слепой после кори в детстве гармонист Николай Никонов по прозвищу Рогуля.

К 1950 году участвовавшая в войне, и оставшаяся в живых молодёжь домой ещё не вернулась, служила в Советской Армии. Подростая же и ещё не служившая в Армии молодая поросль на добровольных началах приступила к строительству клуба. Благо колхоз имел большой массив своего леса.

Клуб построили в основном на добровольных началах и не из «Анфисиной Риги», как в кинофильме «Дело было в Пенькове», а из свежего леса.

Позже в клубе был стационарно установлен кинопроектор типа «Украина». Он удобен был тем, что киномеханик на мотоцикле ехал в райцентр, брал в рюкзак две бобины с кинолентой, и через полчаса был в клубе.

А до этого кино привозили не чаще одного раза в месяц – на лошади или на быку. «Передвижка» показывала кино, а потом наш колхоз вёз аппаратуру на своём тягле в другое село.

Глава 7

В своей жизни я два раза видел ликование народа, которое трудно передать. Это День Победы 9 Мая 1945 года и день встречи Юрия Александровича Гагарина в Москве, после его возвращения из космоса.

Я – тогдашний армейский комсомольский работник встречал Гагарина в Москве лично – с лучшими комсомольцами части.

А 9 Мая 1945 года я болел. Лежал дома на полатах. Температура, очень болела голова. Вдруг я услышал НЕИМОВЕРНЫЙ ШУМ на нашей деревенской улице. Из райцентра по телефону сообщили, что ВОЙНА ЗАКОНЧИЛАСЬ!!!

Люди высыпали на улицу. Женщины вынесли все красные лохмотья, которые нашли. Особенно мне запомнились красные женские платки с бахромой и цветами, привязанные к палкам вместо знамён.

После ШЕСТВИЯ собрали снесь, какая была. Появилась и самогонка. Началось пиршество, КОТОРОЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ ВСЕНАРОДНЫМ ПЛАЧЕМ.

Оказывается плач – дело общественное, коллективное. А плакать было по чём и о ком. За столами сидели в подавляющем большинстве – вдовы.

Не знаю, сколько сотен погибло моих односельчан, село большое, но только в той четверти села, где жил я, это домов 70, погибли на фронте: мой отец Дмитрий Папсуев, Пётр Груцилин, Иван Сычёв, Ермолай Папсуев с сыном, Захар Бруев, ветеринар Сеницын, Яков Казаков с сыновьями Николаем и Дмитрием, Тихон Василенков, Семён Переходкин, Павел Морозов, Кузьма Сычёв, учитель Дмитрий Папсуев, учитель Василий Переходкин, Пётр Бояринов, Иван Качура и многие другие.

Расстреляны оккупантами: Фёдор Казаков, Степан Надвинов, Филипп Салякин, Фёдор Папсуев, Иван Никонов, фельдшер Лалёко Фёдор Трофимович, староста Горбачёв Прохор Андреевич, Лаврентий и Василий Папсуевы и многие другие.

9 Мая 1945 года ещё не было известно, кто живой из молодёжи, угнанной в Германию. Это Василий Багаутин, Иван Горбунов, Алексей Казаков, Иван Чиганов, Алексей Папсуев, Владимир Старостин, Анна Переходкина, Анастасия Горбачёва, надежда Надвикова.

Вернулись домой искалеченными Иван Казаков, Егор Фомченков, Сергей Поляринов, Николай Никонов, Владимир Салякин, Пётр Чиганов, Иван Папсуев, Анатолий Лалёко, Михаил Чуенков и многие другие.

Всех назвать не могу. Не знаю. Село было большое. Для скорби хватит и названных...

В соседних сёлах было покалечено много подростков найденными ими же взрывчатыми веществами. Пацаны нашего села обошлись малой кровью. Два пальца в руке покалечило Николаю Папсуеву, после взрыва капсуля от РГД перестал видеть правый глаз у Николая Лобанова. А взрывом немецкой гранаты – «лимонки» оторвало кисть правой руки Кате Миренковой. Найдя «лимонку», девочки – подростки пытались приспособить её под коптилку, чтобы удобней было плести кружева...

В 1947 году была проведена первая послевоенная денежная реформа. Деньги меняли так – у кого они лежали в сберкассе, меняли один к одному, у кого деньги были «в чулке», меняли 1:10.

Вообще – то, денег на селе и не было. После денежной реформы были отменены карточки. Но дефицитные товары (кроме хомутов, соли и керосина), продавали только сельской интеллигенции – учителям, медикам, агрономам, ветеринарам, милиции.

Неимоверно тяжёлыми были сельские налоги. При наличии коровы крестьянин должен был сдать государству 380 литров молока с жирностью 3,9%. Если жирность меньше – молока

надо сдавать больше. Нужно было сдать определённое количество яиц и овечьей шерсти независимо от того, есть у тебя куры и овцы, или их нет.

Не помню сколько, но много нужно было сдавать мяса в живом весе. Две – три вдовы выращивали телка, и сдавали его государству за 2 – 3 двора. Платили так же налог за яблони и пчелиные ульи в саду. Некоторые мужчины, пришедшие с войны при орденах, обозлившись, вырубали яблони и заливали водой пчелиные ульи. Но в общем народ понимал, что после такой войны, такой разрухи после оккупации, благоденствие быстро наступить не могло.

...В школу мы по – прежнему ходили в лаптях и в сермяжной одежде. До войны в нашей деревенской школе было 9 классов. В учебном году 1941 – 1942 г. у неё должна была быть десятилетка. Но началась война.

В 1950 – 1953 годах, в 8, 9 и 10 классы я ходил в школу за 15 километров от дома. В этой школе учились ребята из трёх районов – Рославльского, Ершичского и Дубровского, двух областей – Смоленской и Брянской. В школе было место, где можно было переночевать с кроватью и матрацем. Мы брали у кого что было из еды, и в понедельник шли в школу. Находились там, пока было что покушать. Столовых – никаких. Купить еду в магазине было не на что, так как денег у нас не было.

Да, кроме этого нужно было заплатить за учёбу в школе 150 рублей. Я не платил – потому, что у меня отец погиб на фронте.

Холодильников никаких в школе не было. Поэтому принесённое из дому молоко на второй день скисалось, и варить его с какой – нибудь крупой уже было нельзя.

Наши матери для нас придумали универсальную еду – крахмал разводился до тестообразного состояния. Из него на сковородке пекли блин, который ножницами резался на лапшу. Лапша сушилась, и могла храниться сколько угодно. Эта лапша была красива и вкусна, сваренная с молоком. А оно уже скисло... Тогда варили лапшу на воде, в необливном чугушке. Посуды ведь тоже не было. Иногда в лапшу, если было, бросали что – нибудь мясное, например кусочек куриного окорочка. Но в такой посудине лапша всё равно получалась цвета кирзового сапога;

Кончалась у нас еда, принесённая с собой, и мы шли опять за 15 километров домой за едой. Но, как правило, удавалось тянуть до субботы. Да, идти 15 километров не хотелось, в лаптях, по грязи или снежному бездорожью. Школа находилась не в нашем районе, и попутного транспорта туда никогда не было... За три года учёбы в этой школе ни разу ни на каком транспорте туда или обратно не подъехал. Но моя мать дрова в эту школу возила.

Топливная проблема в школе решалась просто. Во время летних каникул старшеклассники три дня заготавливали торф на болоте. Парни с подвёрнутыми штанами, стоя в воде, резками нарезали торфяные кирпичи, а девочки на носилках выносили их для просушки на сухое место. Это было основное школьное топливо.

Но для розжига торфа нужны были и дрова. Близко к селу, где была школа, леса не было. Наш директор школы Иван Пахомович Фёдоров всю войну прослужил рядовым солдатом – шофёром, имея довоенное высшее образование.

А рядовым шофёром он был потому, что был в особом подразделении, которое занималось перегонем американских автомобилей по Лендлизу через Иран.

Однажды Иван Пахомович где – то прихватил залётного шофёра с машиной. Напоил его водкой «до поросычьего визга», и положил спать. Сам пришёл в нашу школьную «ночлежку». Скомандовал нам « В ружьё!», и мы глубокой ночью поехали в лес километров за десять ЗА ДРОВАМИ.

Директор за рулём «захваченного «грузовика», в кабине рядом завхоз. Мы – четыре ученика – в кузове. Правда, мы, ученики, были не совсем дети. Нам было по 18—19 лет. Такие парни закругляли конец войны. Но ночью, в лесу, по пням и корням, на куче брёвен в кузове, в дождь – обошлось всё благополучно.

Мы вымокли до нитки, а сушиться особенно было негде. Директор с завхозом опасались, что мы заболеем. Это я понял, когда завхоз привёл нас четверых к себе домой, и заставил выпить по стакану самогонки. А директор разрешил на следующий день в школу на уроки не ходить.

Из-за оккупации в школе взрослых ребят было много. А часть педагогов были молодые учительницы, нормально окончившие институты – наши ровестницы. Преподавательницы немецкого языка и физкультуры были 1932 года рождения. Я – 1933, Миша Горбунов – 1931, а Володя Дорохов имел орден «Красная Звезда» и медаль «Партизан Великой Отечественной войны» 2 степени.

Володя Дорохов был единственный ученик, у которого учителя просили закурить, когда у них курева не было. Во всяком случае математичка Наталья Ивановна Кубышина на зимних каникулах вышла замуж за своего прошлогоднего ученика, окончившего 10 классов и поступившего на 3 курс техникума. Как раз он и приехал жениться на зимние каникулы из техникума.

У наших учителей с нами проблем по успеваемости и дисциплине не было. Надо быть идиотом, чтобы идти в школу за 15 километров, заплатить 150 рублей и учиться плохо. Но бедный был тот учитель, который пришёлся не по нраву таким ученикам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.